

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

АЛЕКСЕЙ ШИШОВ

ГОСУДАРЬ ПЕТР I

УЧРЕДИТЕЛЬ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Лучшие биографии

Алексей Шишов

**Государь Петр I – учредитель
Российской империи**

«ВЕЧЕ»

2020

Шишов А. В.

Государь Петр I – учредитель Российской империи /
А. В. Шишов — «ВЕЧЕ», 2020 — (Лучшие биографии)

ISBN 978-5-4484-8602-9

Нет, пожалуй, в истории русской другой такой яркой и противоречивой фигуры, как царь Петр Алексеевич, он же Петр Первый и Петр Великий. Первый император, реформатор и гулена, властитель и ремесленник, тиран, уважавший знающих и умелых, невзирая на происхождение, и мудрый законодатель... Он перетряхнул всю страну, изменил направление ее движения. О жизни и деяниях государя подробно рассказывает новая книга известного писателя-историка.

ISBN 978-5-4484-8602-9

© Шишов А. В., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Слово от автора	6
Глава 1	8
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Васильевич Шишов Государь Петр I – учредитель Российской империи

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

А.С. Пушкин

© Шишов А.В, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Слово от автора

В истории государства Российского среди венценосцев династии Романовых, пожалуй, нет больше такой привлекательной делами и поступками личности, какой был Петр I Алексеевич. Здесь следует заметить архиважное: спорной личности. Он нам больше известен своим проименованием, как Петр Великий. Последний русский царь и первый всероссийский император. Государь-реформатор и талантливый полководец, к тому же еще и одаренный флотоводец. Прирожденный военный вождь, увенчанный по династическому первородству шапкой Мономаха. И «державный плотник», не чуравшийся в бурной жизни никакой работы.

Образ Петра I в отечественном летописании поистине судьбоносен. Именно он, «ломая старину», преобразовал заповедное Русское царство на европейский лад, превратив его в Российскую империю, устремленную в будущее. Созданная им евразийская держава просуществовала со славой без малого 200 лет. А потом в однолетье, в роковой 17-й год рухнула, канула в историю.

Чтобы перестроить Московию, как в то эпоху иноземцы-европейцы называли Россию, Петр I начал с военных реформ. Но было бы неправильно утверждать, что именно он инициировал их в Московском царстве. Военным реформаторством стал заниматься отец будущего императора царь Алексей Михайлович. А младшему сыну третьего по счету государя из дома Романовых довелось только продолжить начатые преобразования силы ратной и довести их до логического завершения. Им и стало создание русской регулярной армии и военного флота.

Петр I явил для истории образ великого военного реформатора. Многие великие князья и цари на Москве с юных лет пеклись о державной военной силе. Но, пожалуй, такое государственное дело оказалось по плечу только Петру Великому. Мерило тому – победы русского оружия в Великой Северной войне. Экзамен на его зрелость оказался самым строгим. Тогда Швеция на рубеже двух веков признанно имела лучшую на европейском континенте полевую армию, ее флот господствовал на Балтике, а короля-полководца Карла XII называли Великим.

Баловнем судьбы Петра I назвать никак нельзя. Более того, она жестоко обходила с ним часто. Стрелецкие бунты в первопрестольной Москве, бескомпромиссная схватка со старшей сестрой по отцу царевной Софьей за царскую власть, Нарвская конфузия на открытии Северной войны, неудачный Прутский поход в Дунайские княжества, дело царевича-наследника Алексея – все это были непреходящие этапы жизненного пути государя-реформатора. Но именно они определили и закалили его характер, стали мерилом монаршей воли, позволили стать для истории Петром Великим.

Прежде чем стать признанным державным вождем, он многие годы трудился до селюмого пота. Ни один из венценосных властителей мира не делал и доли той черновой работы, что делал русский царь, ставший самодержцем в десятилетнем возрасте. Он умел учить своих сподвижников и воинов: нес тяготы походной жизни, метал ручные бомбы, стрелял из пушек и мушкетов, строил с топором и чертежами в руках корабли всех классов, овладевал солдатским ремеслом, бросался на abordаж шведских судов, был отменным кузнецом и штурманом.

Создавая регулярную армию и флот, ведя войну против «Шведской империи», прорывая «шведский барьер» на древней Новгородской земле, Петр I показал себя великим стратегом и полководцем. Собственно говоря, невозможно быть в мировой истории военным вождем, не обладая смелым стратегическим мышлением. А таковым мышлением волевой и целеустремленный Петр Великий обладал, строя внешнюю политику России на Западе, Юге и Востоке.

Немногие даровитые полководцы имеют такое созвездие побед, как последний русский царь-реформатор. Полтава и Лесная, Азов и Шлиссельбург, вторая Нарва и морской Гангут. Любая из этих викторий вписала бы его славное имя в отечественную ратную летопись. Не говоря уже о том, что армия и флот России к концу правления Петра I представляли собой

такую военную силу, с которой соседям, европейским державам не считаться было уже просто нельзя. Более того, эта сила подкреплялась все возрастающей экономической мощью новорожденной империи.

О том, как Петр Великий переустраивал государство Российское, написано много. И, вне всяких сомнений, будет написано еще больше. Он один из тех великих героев человеческой цивилизации, тяга к познанию которого не ослабевает вот уже четвертое столетие. Так оно и должно быть, поскольку честь после жизни бывает только по делам при жизни.

О нем написано много. Петровским деяниям посвятили свои исследовательские труды историки Феофан Прокопович и Н.Г. Устрялов, Н.М. Карамзин и И.И. Голиков, В.О. Ключевский и С.М. Соловьев, П.О. Бобровский и Н.И. Костомаров, С.Ф. Платонов и М.М. Богословский, Е.В. Тарле и А.А. Керсновский, писатели Л.Н. Толстой и А.К. Толстой, поэт А.С. Пушкин...

Примечателен в познании молодого царя Петра I Алексеевича «Дневник» наемного иноземного генерала Патрика Гордона. Его дневниковые записи стали одним из основных документальных источников для всех последующих исследований. Еще больше значима «Гистория Свейской войны» – выдающийся исторический памятник эпохи Петра Великого, его «Поденная записка», коллективный труд петровских сподвижников.

Все это авторы отечественные, выразившие взгляд на личность Петра I через призму своего времени. Собственно говоря, иначе и быть не может. Фигура этого титана мировой истории была разнотима в старой России и Советском Союзе на разных периодах их существования. Переосмысливается образ самодержца-преобразователя и в наши дни.

За рубежом фигура Петра Великого привлекательна для исторических исследований не одно столетие. Еще при его жизни появились мемуарные освещения деяний царя московитов. Достаточно назвать такие имена, как Ф.-М. Вольтер и М. Андерсон, И. Фоккеродт и Х. Баггер, Ч. Уитворт и А. Гилленкрок, И.Г. Корб и Дж. Биллингтон... Их труды тоже, как и российских авторов, во многом подвержены осмыслению личности государя-реформатора с позиций своей эпохи.

Образ Петра Великого многолик по той простой причине, что его государственные творения-преобразования охватывали все стороны жизни тогдашней России, евразийской державы, заявившей о своем могуществе после победы в Великой Северной войне. Замысел этой книги, отдаваемой на суд заинтересованных читателей, любителей и знатоков отечественной истории, не состоит в показе многоликого Петра I. Автор стремился показать его как достойного продолжателя отцовских замыслов, преобразователя Русского царства, великого военного реформатора и мыслителя, создателя русской регулярной армии и флота, вождя российского воинства в его ратных трудах и невзгодах, викториях на суше и море. Как государя «всея России».

Герой данного исторического повествования-исследования прежде всего великий государь нашего Отечества, олицетворявший собой четверть века державную мощь, и «державный плотник», перестроивший государство Российское на свой лад.

*Алексей Шишов,
военный историк и писатель, лауреат Международной литературной премии
имени Валентина Пикуля и Всероссийской историко-литературной премии
имени Александра Невского*

Глава 1

Предтечи Петровской эпохи. Сын царя-реформатора всёя Руси Алексея Михайловича Тишайшего. Правление старшего брата Федора. Нарышкины и Милославские. Шапка Мономаха для Петра

Отцом Петра Великого был Алексей Михайлович, второй русский царь из династии Романовых. Он родился в 1629 году и с пятилетнего возраста был по повелению отца отобран у нянек-«мамок». В течение последующих 13 лет, и даже после восшествия на престол, воспитывался под руководством ближнего боярина Бориса Ивановича Морозова. Историк С.М. Соловьев отзывался о нем как о государственной личности, «не умевшей возвыситься до того, чтобы не быть временщиком».

Морозов и «сформировал» личность государя, обучая прежде всего грамоте и церковному пению. Царевича как наследника отцовского престола торжественно «объявили» народу в четырнадцать лет. Через два года он надел шапку Мономаха, лишившись почти одновременно отца и матери. Первые три года Русским царством, по сути дела, правил ближний боярин Б.И. Морозов.

В отечественной истории царь Алексей Михайлович значится под прозвищем «Тишайший». Или, как его еще называли современники, – «Гораздо тихий государь».

Однако такой весьма безобидный и благозвучный эпитет «Тишайшего» не соответствует личности отца Петра I. Историк С.Ф. Платонов указывал, что царь Алексей мог быть очень вспыльчивым и «подвижным на гнев». Считается, что его младший сын – первый всероссийский император здесь был во многом похож на своего родителя.

Сохранилась часть архива Приказа тайных дел, которая свидетельствует о том, что царь сильно интересовался личностью Ивана Грозного и его деятельностью по становлению самодержавной власти. Да и создание Приказа тайных дел явилось подражанием Грозному, основанному при введении опричнины Особый двор государев.

По свидетельству иностранцев, русский монарх до конца своей жизни оставался человеком мягким по отношению к окружающим, имел добродушный характер. В нем была развита суровая религиозность: по понедельникам, средам и пятницам он во все посты ничего не пил и не ел, ревностно исполняя все церковные обряды. В его писаниях встречается выражение: «Делу время, потехе час». То есть всему в государстве у правителя есть свое время.

Царь отличался мнительностью и подозрительностью, наслышавшись в детстве от родителей всяких небылиц о «дурном глазе», «порче» и колдовстве. Поэтому его заботой стала опасливая слежка за людьми, «знавших с колунами» и могущими проникнуть в Кремлевский дворец. По малейшему подозрению таких людей отдавали в руки дьяков и палачей Приказа тайных дел.

Боярин Морозов нашел для своего воспитанника супругу – дочь московского дворянина Марью Милославскую, торжественное бракосочетание с которой состоялось в 1648 году. Через две недели ближний боярин стал свояком царя, женившись в преклонном возрасте на сестре юной царицы. Так государственная власть оказалась в руках двух человек – Морозова и Милославского.

Алексею Тишайшему уже в самом начале своего царствования пришлось пережить сильное потрясение. В июне 1648 года в столице вспыхнул Соляной бунт – восстание московских низов против резкого повышения цен на соль. Восставшие убили глав двух приказов – Земского и Пушкарского, требовали выдачи на расправу Морозова, злоупотреблявшего данной

ему властью. Царь спас тогда воспитателя, отправив его в Кириллов монастырь. Когда народный гнев утих, ближний боярин вернулся в свой разоренный дом. Но прежней власти он уже не имел.

Вслед за Соляным бунтом в Москве вспыхнули городские восстания в Сольвычегодске, Устюге Великом, Соликамске, Чердыне, Козлове, Воронеже, Курске, в сибирских городах – Томске, Нарыме, Сургуте. В 1650 году восстания нашли свое продолжение в Пскове и Новгороде, с которыми правительство справилось с большим трудом.

Поводом «возмущения» в Пскове «молодших людей», то есть бедных горожан, стало решение Боярской думы передать Швеции в счет погашения внешних долгов городские запасы хлеба. Псковичи, которых поддерживали стрельцы, потребовали от воеводы и архиепископа оставить хлеб в городе. Им отказали. Тогда Псковская крепость, посады и ближайшие уезды оказались в руках восставших. Власть в Пскове перешла в руки «всегородской избы».

Государь «всея Руси» Алексей Тишайший оказался перед трудным испытанием. Псковичи отказались принести повинную, как того требовала царская грамота. Не смог подавить восстание и присланный из столицы отряд воеводы князя И.Н. Хованского, попытавшегося было взять город штурмом. Тогда в Москве созвали Земский собор, который прислал в Псков делегацию для переговоров. В ходе их удалось «усмирить» мятежный порубежный град и восстановить в нем власть царской администрации, то есть московского воеводы.

Вскоре вспыхнуло сильное восстание в соседнем Новгороде – поводом стали слухи об отправке русского хлеба за рубеж. Восставшие разгромили дворы богатеев, передав власть в городе Земской избе. На сей раз воевода Иван Хованский сумел войти в мятежный город. Своих обещаний новгородцам князь не сдержал, приказав казнить предводителя «воров» Ивана Жеглова и многих других восставших.

Соляные бунты и городские восстания сделали из царя Алексея Михайловича крупного реформатора: он повелел начать давно назревшие преобразования в области государственного законодательства. Земский собор принял решение о составлении нового Соборного уложения. К работе по его созданию приступила специальная Уложенная комиссия под руководством князя Н.И. Одоевского.

Уложение царя Алексея Тишайшего состояло из 25 глав и 967 статей. В первых девяти главах содержались статьи о государственном праве. Здесь оградилось православие, личность монарха и честь Государева двора. Преследовалась подделка государственных актов и монеты. Содержались правила о паспортах, о военной службе, о выкупе пленных и о путях сообщения в стране.

В следующих шести главах излагались законы судоустройства и судопроизводства. В пяти главах формулировалось вотчинное и помещное право и право на холопов. Уголовное законодательство излагалось в двух главах. Последние три главы касались положения стрельцов и казаков, а также «корчменных дел» – царских питейных заведений.

Это отцовское законодательство Русского царства стало теми правовыми актами, которыми руководствовался Петр Великий в начале своего царствования. Но он, став всероссийским императором, тоже стал в свою очередь большим реформатором основ государственного устройства.

Подлинник Соборного уложения 1649 года сохранился до наших дней. Он хранится в позолоченном серебряном ковчеге в Центральном государственном архиве древних актов. Документ представляет собой свиток из 960 склеек общим весом 12 фунтов и длиной 309 метров. Написан подлинник четырьмя различными почерками и подписан 315 лицами.

Среди подписавшихся – московский патриарх Иосиф и 12 представителей высшего православного духовенства, 15 бояр, 10 окольничих, дворяне, гости-купцы, выборные люди от столицы, городских посадов, стрелецких приказов. Среди подписавшихся нет только представителей от крестьянства.

Однако Соборное уложение не навело должного порядка в стране. На местах продолжали своевольничать воеводы, которые не ограничивались только «государевым жалованьем». Увеличение в столице числа приказов неизбежно вело к запутыванию их функций. Местное самоуправление постепенно теряло свою прежнюю силу.

Царская казна постоянно пустовала. Тогда Боярская дума пошла на выпуск медных денег, которые должны были заменить в обращении серебряные деньги, которых не хватало. При этом жалованье служилым людям и стрельцам власти выплачивали медными деньгами, а налоги с населения собирали серебром. Огромный выпуск медных денег быстро привел к их обесцениванию: за один серебряный рубль брали 12–15 медных. Появилось много фальшивой медной монеты.

Такой способ превращения меди в серебро привел летом 1662 года к Медному бунту в столице. В Москве начались погромы богатых домов. В село Коломенское, где находился царь Алексей Михайлович со своим двором и семьей, восставшие москвичи приходили дважды, «невежливо челом бья».

Во второй раз верные царю стрельцы учинили «коломенскую сечу». Более семи тысяч человек «худых людишек» по царскому повелению Тишайшего подверглись преследованиям и наказаниям: ссылке на окраины государства, битью кнутом, казням, отсечению рук и ног. Часть пойманных «воров посадили в воду», то есть утопили в Москве-реке.

Соляные и Медные бунты не поколебали самодержавную власть царя Алексея Михайловича и не стали главными испытаниями для России во время его правления. Историческое испытание государству пришлось держать в противостоянии Речи Посполитой. Речь шла об объединении в границах Великой державы трех братских народов одного славянского корня: русского (великорусского), украинского (малороссов) и белорусского.

Начавшаяся в 1648 году освободительная борьба украинского народа против власти польского панства сразу же получила своего предводителя. Им стал бежавший из Речи Посполитой в Запорожскую Сечь казачий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий, провозглашенный запорожцами гетманом. Это был выходец из мелкой украинской шляхты, получивший в народе имя Богдана – «богом данного» освободителя.

Начавшаяся народная война была направлена против польско-шляхетского владычества, притеснения православия католической церковью. Войско Богдана Хмельницкого наносит полякам ряд поражений – под Желтыми Водами и Корсунью. Вскоре на стороне восставших малороссов оказалось Московское царство.

Еще в июне 1648 года Хмельницкий обратился к Москве с предложением о воссоединении и с просьбой оказать украинскому народу помощь в его вооруженной борьбе против Польши. В начале марта 1649 года посол гетмана полковник Силуян Мужилковский вел переговоры с московскими боярами. Там он вручил царю Алексею Михайловичу личную грамоту Хмельницкого.

Гетман от имени Запорожского войска и всего украинского народа бил челом русскому царю и сообщал, что народ Малороссии дружно поднялся против угнетателей веры православной и воли народной. В грамоте просили царя Алексея Михайловича послать русское войско под Смоленск, оказать восставшим помощь хлебом и солью и не чинить отрядам повстанцев препоны в том случае, если им придется отступить на Русскую землю.

В заключение грамоты гетман Богдан Хмельницкий просил царя Алексея Михайловича прислать послов для переговоров и быть для народа Украины «православным царем и самодержцем», так как у русских и украинцев «вера общая и благославенная навеки».

В том же марте месяце из Москвы в Чигирин, где находились гетманские ставка и канцелярия, прибыл царский посол дьяк Григорий Унковский. После переговоров с гетманом было решено, исходя из готовности России к войне с Польшей и условиям Поляновского мирного договора, что русский царь пока не может оказать открыто Хмельницкому военную помощь.

Однако восставшая Малороссия получала от русской стороны не только моральную поддержку, но и помощь хлебом, солью, оружием и деньгами. Среди прочего царь Алексей Тишайший не возражал, если по просьбе запорожцев донские казаки примут участие в военных действиях против польской шляхты.

В феврале 1651 года Земский собор в Москве одобрил идею воссоединения Украины с Россией. После этого царь Алексей Михайлович разрешил казакам гетмана, пройдя русские рубежи, оказать помощь белорусским повстанцам. Хмельницкий таким путем направил к Брянску полк Тарасенки для действий против отрядов литовского гетмана Януша Радзивилла.

Сам гетман двинулся в поход на запад, но на реке Стыре под Берестечком потерпел поражение. Главным виновником его оказался союзник – крымский хан, уведший с поля битвы свою конницу. Часть гетманского войска смогла с трудом вырваться из окружения только благодаря воинскому искусству полковника Ивана Богуна. Под Берестечко без вести пропало одиннадцать тысяч казаков.

Хмельницкий вынужденно в сентябре 1651 года под Белой Церковью подписал с польским королем новый мирный договор. Он был подписан для православной Украины на самых невыгодных условиях.

Белоцерковский мирный договор вызвал отток украинского населения из пределов Речи Посполитой в русские земли. Казаки и крестьяне, не желая вновь попадать в панскую неволю, уходили в Московскую Украину, заселяя земли между Северским Донцом и Осколом. Там возникли большие слободы, ставшие потом городами Харьковом, Сумами, Изюмом, Ахтыркой, Лебедином, Острогожском. Царские воеводы, не обращая внимания на протесты королевской канцелярии, встречали переселенцев охотно и благожелательно.

Польский сейм в Варшаве не утвердил Белоцерковский мирный договор. Военные действия возобновились. И хотя Богдану Хмельницкому в мае 1652 года удалось одержать под Батогом победу над коронным войском гетмана Мартина Калиновского, украинские земли, разоренные длительной войной, находились в бедственном положении.

В апреле 1653 года царь Алексей Михайлович вновь принимал послов Хмельницкого. 1 октября того же года Земский собор в Москве во второй раз обсуждал вопрос о принятии Украины в состав России. Собор утвердил просьбу гетмана Богдана Хмельницкого и войска Запорожского о принятии православного украинского народа «под высокую руку» русского царя.

Из Москвы на Украину 9 октября выехало Великое посольство во главе с ближним боярином Василием Бутурлиным с охранным отрядом в 200 стрельцов. 31 декабря посольство прибыло в Переяславль, куда собирались выборные люди от украинского казачества, духовенства, горожан и других слоев населения.

Великая рада собралась в Переяславле 8 января 1654 года. Гетман Хмельницкий выступил на майдане (площади) перед собравшимися с проникновенной речью, в которой призвал православный украинский народ воссоединиться с православным русским народом. Переяславская рада с ликованием, единодушно приняла это историческое решение, одоблив все статьи, определявшие условия воссоединения Украины с Россией.

Здесь же, на раде, боярин Василий Бутурлин от имени царя Алексея Михайловича вручил Хмельницкому знамя, гетманскую булаву и сто сорок сороков соболей, то есть огромную «соболиную казну». Русское посольство приняло присягу выборных от украинского народа людей на основании единодушного решения Переяславской рады: «Чтоб есми вовеки вси едино были»... «бытии им з землями и з городами под государевою рукою навеки неотступным». Позже присягу государю «всея Руси», Московскому царству принесли все села и города Украины, находившиеся под контролем гетмана Богдана Хмельницкого, полки реестровых казаков, включая Сечь Запорожскую.

Так произошло историческое объединение двух самых больших славянских народов – русского и украинского. Их разъединение почти четыре с половиной столетия назад было «узаконено» монгольским нашествием хана Батые, когда Киевская Русь окончательно канула в прошлое. Объединение давалось трудно и эту «трудность» в облике гетмана-изменника Ивана Мазепы царю Петру I придется познать полной чашей пред Полтавой.

Статьи Переяславской рады были обсуждены в Москве 29 марта 1654 года. В Грановитой палате Кремля в присутствии царя прошло заседание ближних бояр и послов Малороссии – Украины. В результате обсуждения по всем статьям «указал государь и бояре приговорили: быть так по их челобитью». Украине давалась царская жалованная грамота.

Так произошло событие огромной исторической значимости. Население днепровского Левобережья избавлялось от национального и религиозного гнета шляхетской, католической Польши, от территориальных посягательств империи турок-османов. Для жителей городов и сел резко уменьшалось количество различных повинностей, они могли пользоваться собственной землей и личным имуществом по своему усмотрению.

Объединение Левобережной Украины с Россией означало неизбежность войны с Польшей. Для Москвы она стала продолжением борьбы за возвращение крупнейшей русской крепости Смоленска и Смоленщины, утерянных в Смутное время.

...Царь Алексей Михайлович начинал новую Смоленскую войну с той военной силой, которую его младший сын Петр I ликвидирует в основе в считанные годы, создав регулярное постоянное войско – русскую армию, которая просуществует до начала 1918 года.

23 октября 1653 года государь «всея Руси» повелел объявить в кремлевском Успенском соборе свою царскую волю: идти русским войскам на недруга Московского царства и православной веры короля Польши и Литвы Яна Казимира. Народ приветствовал такое решение Тишайшего.

К началу Смоленской войны Россия обладала значительной для того времени военной силой. По годовой росписи общее число ратных людей в царстве равнялось 133 210 человек, без военнообязанных («боевых») холопов. Эта сила выглядела на бумаге следующим образом.

Служилых дворян и детей боярских – 39 408 человек (30 процентов всех войск). Они составляли поместную (дворянскую) конницу.

Стрельцов, основу которых составляли московские ратные люди, насчитывалось 44 486 человек (33,5 процента).

Казаков на государевом жалованье числилось 21 124 человека. Были они и конными и пешими.

В драгунских полках «нового строя» имелось 8107 человек.

Служилых татар состояло на воинском учете 9113 человек.

«Черкасов» – украинских переселенцев, состоявших на царской военной службе, набиралось 2371 человек.

Служилых людей пушкарского дела – профессиональных пушкарей числилось 4245 человек.

Наемных иноземцев (пехотинцев и кавалеристов) на начало войны значилось всего 2707 человек.

В состав русской армии входила и засечная стража – пограничники XVI столетия, охранявшая укрепленные засечные линии на юге страны.

Дворянская конница заметно отставала от драгунской, от наемной иноземной кавалерии своим вооружением. В грамотах воевод отмечалось, что многие служилые люди являются на царскую службу с одними пистолетами, не считая холодного оружия, без карабинов и пищалей. В то время же требовалось, чтобы каждый поместный конник имел еще к пистолету длинноствольное огнестрельное оружие. Конные лучники обязаны были иметь к саадаку еще и пистолет.

Дворянская конница на то время уже не соответствовала своему назначению как в вооружении и снаряжении, так и в тактическом образовании. Только богатые дворяне «являлись на резвых аргамаках, в блестящих панцырях и зеркалах, вооруженные булатными саблями, мушкетами, карабинами, с исправною боевою прислугою и обильным запасом всякого продовольствия на два, на три месяца».

Но таких конных воинов среди служилых помещиков было немного. «Бедняк приезжал на плохой лошаденке, без лат и шлема, без мушкета и карабина, с одною саблею в руке или с парю pistols, да с мешком сухарей, который нес за ним слуга».

Чтобы представить себе вооружение конных дворян перед войной с Польшей, можно посмотреть на состояние полка воеводы Д.П. Львова в 1645 году. Полк состоял из 665 конных помещиков. На их вооружении состояло: 441 пистолет, 60 карабинов, 7 пищалей, 79 саадаков (лук со стрелами), 87 сабель, одна рогатина. Совсем без оружия на смотр перед воеводой явилось шесть пеших детей боярских.

Власти, конечно, помогали поместным ратникам оружием и конями за счет царской казны. Денежное жалованье давалось служилым людям на время военных действий и по призыву в полки. В царском окружении, Боярской думе понимали, что безлошадный и безоружный помещик-ополченец неинтересен для войска. К тому же в дворянской коннице традиционно низкой оставалась дисциплина. Обычным явлением стали неявка на службу и бегство с нее в свои поместья.

Царь Алексей Михайлович Тишайший стал в ходе той русско-польской войны предвестником военных реформ своего сына Петра Великого. Поместное дворянское войско с его длительной историей фактически прекратило свое существование еще до царствования Петра I. То есть его ждала та же судьба, что и рыцарскую конницу в Западной Европе. «Приговором» поместной конной рати и стала Смоленская война: «Цвет дворянской конницы... погиб в войне за Малороссию, особенно тяжелый удар постиг ее под Чудновым».

Крестьянин-публицист И.Т. Посошков, чьи творения дошли до нас, писал о действиях поместной конницы в войнах Московского царства с турками и Крымским ханством, не без горести, следующее: «На конницу смотреть стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безодежны, ружьем владеть не умеют, не только что выстрелить в цель; убьют двух или трех татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хотя сотню положили – ничего! Нет попечения о том, чтобы неприятеля убить; одна забота – как бы домой поскорей».

Второй государь «всея Руси» из династии Романовых сделал основой военной силы полки нового строя, которые в большей части заменили поместное, дворянское ополчение. Петр I лишь довершит в начале Северной войны реформаторское дело, начатое его Тишайшим отцом. В полки нового строя вошли примерно половина служилых дворян-помещиков и детей боярских. Остальные в большом числе стали нести городовую службу, то есть числиться в гарнизонах городов, преимущественно приграничных крепостей.

Что же касается стрелецкого войска, то Боярская дума использовала его прежде всего для наведения порядка внутри страны. В военных походах времени царя Алексея Михайловича участвовало не больше десятой части стрельцов. Остальные стояли приказами – полками в первопрестольной Москве, больших и пограничных городах, обеспечивая там должный порядок.

В то же время сами стрельцы представляли для государственной власти немалую опасность. В этом Петр I воочию убедится не раз еще в детстве. Бунтовали прежде всего так называемые «голые люди» – беднейшая, малоимущая часть стрельцов. Они зачастую сами становились активными участниками городских «возмущений» – восстаний. Так было, например, в Пскове и Новгороде, в самой столице.

Особенностью стрелецкого войска являлось то, что государево жалованье так и не стало источником пропитания для семей стрельцов. Они занимались торговлей, владели лавками,

баними, мастерскими, пахали землю, огородничали. И этим стрельцы мало чем отличались от посадского населения, оставшись в таком состоянии к началу петровского правления.

Стрельцы были поселены особыми слободами, со съезжими избами для управления и суда, наделены землей, могли заниматься торговлей, освобождались от городских повинностей и от торговых пошлин. Если торговали на сумму менее 50 рублей, то тогда казна выдавала такому малоимущему стрельцу денежное жалованье, сукно на платье и соль. В случае войны жалованье «на подъем» выдавалось всем, равно как и провиант. Звание стрельца, людей лично свободных, было наследственным (как пушкарей) и переходило от отца к сыну.

В административном отношении стрельцы составляли приказы, переименованные в 1681 году в полки. Каждым приказом (от 500 до 1000 человек) ведал голова (полком – полковник), которому подчинялись сотники, пятидесятники и десятники. Полки подчинялись Стрелецкому приказу, которым управлял боярин с товарищем (заместителем) и дьяком.

Московские стрельцы пользовались рядом преимуществ перед городовыми. Они несли караульную службу при царском дворе, участвовали в различного рода церемониях, в том числе духовных. Один полк выборный, называвшийся Стремянным, находился неотлучно с государем в его выездах или поездках по монастырям и в окрестные дворцовые села. В таких случаях Стремянный полк выезжал на царских лошадях.

Царь Алексей Михайлович вознамерился было начать обучать стрельцов «солдатскому строю». Это неизменно вызывало их массовое недовольство и протесты. Стрельцы, перечисляя свои служебные обязанности и заслуги, в челобитных на царское имя указывали, что они кормятся промыслами, торговлей и ремеслами. И что если их отдадут в солдатское ученье, то они забросят свои семейные дела и погибнут «голодной смертью».

Боярской думе пришлось избавить стрельцов от воинского обучения, поскольку те несли внутреннюю охрану государства. Но период соправления царевны Софьи с младшими братьями Иваном и Петром показал, что именно стрельцы оказались главными возмутителями внутреннего спокойствия в Московском царстве.

Особую часть служилых людей составляло казачество. При царе Алексее Тишайшем число казаков превысило 20 тысяч человек. Казачья служба становилась наследственной. По этому поводу царский указ гласил: «На убылое казачье место, oprичь казачьего же роду, иных людей ставить не велено».

Казаки несли службу полковую, сторожевую и городовую. Казачество Дона, Терека, Яика (Урала) к ним не относилось. Полковых казаков при царе Алексее Михайловиче записали в полки нового строя. Городовые казаки несли службу пограничных стражников в крепостях на юге и в сибирских острогах. Источником существования такого государственного – не вольного казачества являлись земля, денежное и хлебное жалованье («кормление»).

Появление полков нового строя резко изменило организацию военной силы Русского царства. Здесь евроейские страны отстали от России на целое столетие. Самодержец Тишайший начал с учреждения разрядов. Ими стали называться места расположения полков поместного ополчения, ежегодно уходившего в поход для прикрытия южных, степных границ государства. Разряды стали прообразом военных округов.

Так возникли Береговой, Украинный (Тульский) и Рязанский разряды – первые военные пограничные округа. Пограничную службу полки дворянского ополчения несли временную, и потому разряды не могли сложиться в постоянную военную организацию. Но их число росло, и они стали постоянной структурой военной силы царства.

Затем возник четвертый разряд по счету – Белгородский. В него вошли польские (полевые) южные города и часть крепостных городов Украинного разряда. Уже в ходе войны с Польшей был образован Смоленский разряд. В нем насчитывалось 30 городов, тогда как в Белгородский вошло 68 южных пограничных крепостей, часть из которых вскоре составила Севский разряд.

Города Среднего и Нижнего Поволжья составили Казанский разряд. В Сибири существовало два разряда – Тобольский и Томский. Из последнего выделили Енисейский, который стал в государстве самым восточным разрядом.

Каждый разряд при царе Алексее Михайловиче представлял собой полк. Они имели разную численность. Так, Новгородский полк насчитывал 10 тысяч ратников, а Белгородский – 23 тысячи (а вместе с южными крепостными гарнизонами – до 50–60 тысяч человек).

Каждый разряд и его полк возглавлял воевода в звании боярина или стольника. На территории разряда вся власть, в том числе и гражданская, принадлежала царскому воеводе. Он же одновременно возглавлял разрядный полк, своеобразную армию России середины XVII века. Белгородский разрядный полк, например, в 1658 году состоял из трех полков рейтар, пяти полков драгун, семи солдатских полков, приказа (полка) стрельцов и 2000 дворян и детей боярских сотенной службы.

Именно разрядные полки стали зародышами дивизий Петра I и носили названия «боярских», в отличие от других полков московского подчинения – солдатских, рейтарских и прочих.

Война с Речью Посполитой стала лебединой песней для существовавшего несколько веков на Руси походного построения войска. Так, в 1654 году царским указом на запад двинулось пять полков: государев, большой, передовой, сторожевой и ертаул. Русское войско в таком составе ходило в военные походы и при Иване IV Васильевиче Грозном, и при его отце, и при его деде. При царе Алексее Михайловиче такое четкое походное деление войска ушло в историю. Но с этой ратной летописью юный Петр I был хорошо знаком и по отцовским рассказам.

Алексей Тишайший, строя новую организацию военной силы Московского царства, глядел далеко вперед. Но это осталось в трудах многих историков и писателей «за кадром»: военное реформаторство приписывалось его сыну Петру Великому. Но он оказался в реалиях того дня только талантливым продолжателем начатого не им дела создания русской регулярной армии.

Отец оставил сыну неразрешенную денежную проблему. Царская казна оказалась не готовой к расходам на увеличение численности военной силы, новое вооружение, материальное довольствие полков нового строя и заметно увеличившееся число стрелецких приказов. При Алексее Михайловиче военные расходы составляли более половины государственного бюджета.

По образному выражению одного из крупнейших отечественных историков В.О. Ключевского, «рать вконец заедала казну». Петр I же такую проблему, создавая регулярную армию, смог решить. Но решить мерами, которые были крайне не популярными в народе, который оказался еще более обремененным налоговым прессом.

Военные расходы царства складывались из денежных и хлебных «частей» и покрывались в большей степени за счет военных налогов с населения. Старыми из них являлись пищальные и жемчужные деньги, полоняничные (на выкуп пленников), сборы на городское и засечное дело, за даточных и посошных людей и другие.

Затем появилась стрелецкая хлебно-денежная подать, собираемая на содержание стрелецкого войска. На жалованье ратникам полков нового строя стали брать от 25 копеек до одного рубля с каждого крестьянского и бобыльского двора. Эта подать оказалась тяжелой для простого населения. Посадские и уездные люди разных городов в жалобах, поданных на имя государя «всёя Руси» в 1681 году, писали следующее: «Платить им де стрельцам денег по окладу 1679 года не возможно (далее шло перечисление всех видов податей и платежей, которые были установлены государством, кроме стрелецких) – оскудели и разорились в конец».

Боярская дума, рассмотрев жалобы на тягость стрелецкой хлебно-денежной подати для простого (черного) люда, была вынуждена ее несколько уменьшить. Но ненадолго: «сбив»,

таким образом, на время недовольство податного населения, общий оклад платежей вновь был повышен.

В крайних случаях Боярская дума санкционировала сбор «пятой» и иной деньги. То есть речь шла о сборе в государеву казну определенной, но всегда большей части доходов налогооблагаемого человека. Эта подать всегда являлась денежной.

Второй важнейшей военной налоговой повинностью гражданского населения являлась хлебная подать. Русскому войску эпохи царствования Алексея Тишайшего требовалось ежегодно около 10 миллионов пудов зерна. Оно предназначалось для выдачи хлебного жалованья ратным людям. Такое жалованье выдавалось из «государевых житниц» – амбаров. Их запасы пополнялись за счет «стрелецкого хлеба» и «четверикового хлеба». То есть взимаемого с каждого тяглого двора четверика ржи и столько же овса. «Четвериковый хлеб» шел на содержание полков нового строя.

Царь Алексей Михайлович оставил престолонаследникам достаточно совершенную для своего времени систему управления военной жизнью государства. При Иване Грозном существовало 8 приказов, исполнявших функции министерств будущего: Разрядный, Стрелецкий, Пушкарский, Иноземный, Поместный, Казанский, Оружейный и Бронный. Затем стали появляться один за другим новые приказы – Аптекарский, Малые России (Малороссийский), Полоняничный, Посольский, Рейтарский, Сбора стрелецкого хлеба, Сибирский, Смоленский, Ствольный, Тайных дел, Хлебный...

В конце своего правления военный реформатор государь «всея Руси» Романов-второй ликвидировал часть приказов. В числе их оказались Бронный, Городового дела, Казачий, Мушкетного дела, Панский, Полкового дела, Ратных дел, по сбору даточных людей, кормов, денег и ряд других.

Но в итоге Петру I в наследство от отца досталась довольно запутанная система управления вооруженными силами. Так, солдатскими полками ведали сразу три приказа – Разрядный, Иноземный и Стрелецкий. Все они имели равную исполнительную власть и не подчинялись друг другу.

Вооруженными же силами царства ведали и другие приказы: Рейтарский, Пушечный (или Пушкарский), Новгородской Четверти, Казанского Дворца, Сибирский, Малороссийский, Посольский. Каждый из них имел собственные задачи, земли, собирал доходы, выплачивал жалованье, судил и чинил расправу. Приказами ведали родовитые бояре, реже – думные дьяки.

Так, Сибирский приказ ведал стрельцами и городовыми казаками Сибири. Малороссийский – черкасами и запорожцами. Посольский приказ ведал донскими казаками, которые давали конвои для московских посольств в Крым и Константинополь (Стамбул), охраняли границу.

Пожалуй, необычным среди других видится Пушкарский приказ. Он ведал не только «нарядом» (артиллерией), но и землями, доходы от которых шли на приобретение пороха, свинца, селитры, серы, ручного оружия и на содержание служилых людей при «наряде» и на засечных (сторожевых) линиях.

Были и другие приказы, имевшие известное отношение к русскому войску. Житный занимался выдачей хлебного жалованья. Казенный ведал выдачей сукна и прочего «на платье». Оружейный отвечал за «огненный бой» – изготовление и хранение государевых запасов ручного огнестрельного оружия. Бронный занимался «заготовкой» брони (защитных доспехов), шлемов, сабель, луков, стрел. Поместный приказ раздавал земли для поместий и отвечал за набор даточных людей.

Число приказов постоянно менялось. При Петре I количество их неумолимо стало сокращаться: великий реформатор в итоге сломал морально отжившую систему государственного управления, не одно столетие оправдывавшую себя.

На местах (в областях, городах, уездах) служилыми людьми ведали воеводы. Этим делом они занимались через приказные палаты и приказные избы, в которых служили дьяки и подьячие.

Нельзя сказать, что Боярская дума не утруждала себя заботами по централизации военного управления. Но решала она эту проблему довольно своеобразно, ставя во главе нескольких приказов одного человека – думного чина. Однако такие объединения и при Петре I носили временный, порой случайный характер и реальных (желаемых) результатов не давали.

Думается, что военная реформаторская деятельность Алексея Тишайшего самым благоприятным образом сказалась на ходе Смоленской войны с Речью Посполитой. Подготовку к ней московские власти начали еще в марте 1653 года. В дворцовых разрядах тогда записали:

«Марта в 19 день государь указал во все города послать к воеводам и приказным людям государевы грамоты, велено стольникам и стряпчим, и дворянам московским и жилцом сказать, чтоб они были на Москве на указанный срок, мая к 20 числу, со всею службою; а на тот срок изволит их государь смотреть на Москве на конех.

Марта в 23 день посланы государевы грамоты в города к воеводам и к приказным людям, велено во всех городех выписать, кто имянем в городех в приказной избе старых солдат и по какому государеву приказу».

Вопрос о Малороссии Россия попыталась урегулировать с Польшей дипломатическим путем. Но посольство князя Репнина-Оболенского успеха не имело. После же Переяславской рады война стала неизбежной.

Русско-польская война 1654–1667 годов закончилась победно для царя Алексея Михайловича. Был освобожден древний Смоленск, взят Вильно и под ударом оказалась сама Варшава. Был разбит под Озерным крымский хан Магомет-Гирей, ставший союзником польского короля.

В ходе войны царь Алексей Михайлович Романов принял титул: «Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец». Такой титул русских царей и всероссийских императоров продержался ровно 250 лет.

Когда в события вмешался шведский король Карл X Густав и его войска заняли Варшаву, Россия 17 мая 1656 года объявила своему северному соседу войну, которая завершилась через пять лет. Она началась для русского оружия успешно, но царское войско, осадившее Ригу, взять сильный город-крепость не смогло. Вскоре на украинской земле появились турецкие войска и крымская конница...

Военные деяния царя Алексея Михайловича закончились подписанием 30 января 1667 года Андрусовского перемирия между Россией и Польшей. Условия соглашения в 1686 году были закреплены «Вечным миром». По Андрусовскому перемирию к Российскому государству отходили Смоленщина, Левобережная Украина и временно на два года Киев. В дальнейшем он так и не был передан Польше. Правобережная Украина и Белоруссия оставались под властью польского короля. Сечь Запорожская переходила под совместное управление сторон. Предусматривались совместные действия Москвы и Варшавы в случае возможной агрессии Оттоманской Порты и Крымского ханства.

...Войны с Речью Посполитой и Шведским королевством показали, что начатые царем Алексеем Тишайшим военные реформы перспективны и были способны усилить Россию. Но в то же время становилось очевидным, что это только начало больших государственных трудов, завершить которые государь не смог по многим причинам, то есть внутренним потрясениям.

Потрясения Московского царства действительно устрашали воображение людей той эпохи. Произошел раскол в Русской православной церкви. Его инициатором стал патриарх Никон, который обладал большой личной властью и потому порой мог выразить резкое несогласие с царскими решениями. Алексей Тишайший самолично вложил в руки Никона огром-

ную власть. Уезжая из Москвы на войну, он наградил патриарха титулом «великого государя» и поручил ему управление государством и попечение над царской семьей.

Никон вошел в историю России своей знаменитой церковной реформой. Патриарх, человек умный, начитанный и энергичный, отличался огромным властолюбием и непримиримостью. Он видел падение авторитета церкви, знал о возмущении верующих поведением некоторых высокопоставленных церковных служителей и о разночтениях в проведении церковных обрядов и богослужебных книгах. На последнее не раз обращали внимание приезжавшие в Москву греческие православные архиереи и ученые монахи.

Никоновская церковная реформа началась в 1654 году. Ее одобрил царь Алексей Михайлович, видя в этом серьезную поддержку самодержавной власти. Реформа патриарха Никона сводилась к следующему. Устанавливался единый для всех православных церквей культ богослужения. За образец брался греческий богослужебный чин. Главное внимание обращалось на правильность и торжественность богослужения. Устанавливалось единогласие (чтение и пение) во время церковной службы. Вводилось крестное знамение тремя перстами – двуперстие было предано проклятию. Земные поклоны при богослужении заменялись поясными. Для богослужения допускались иконы только греческого письма. Изымался из употребления трехсоставной восьмиконечный крест. Ходы посолонь заменялись крестными ходами навстречу солнцу. Предписывалось совершать литургию на пяти просфорах, а не на семи, как было до никоновской реформы.

Реформа расколола Русскую православную церковь на две непримиримых между собой части. Во главе оппозиции патриарху стал знаменитый борец за «старое благочестие» протопоп Аввакум. Он подвергался царским гонениям, ссылкам и, наконец, в апреле 1682 года был сожжен на берегу Северного Ледовитого океана в Пустозерске «за великие на царский дом хулы».

Раскол вылился в то, что на сторону противников реформы встали епископ Павел Коломенский, княгиня Урусова и боярыня Морозова, воспетая в знаменитой картине художника Василия Сурикова. Произошло вооруженное выступление монахов Соловецкого монастыря на Белом море, которые восемь лет противостояли царским стрельцам. «Церковные мятежники» подверглись суровым наказаниям.

С годами ряды раскольников стали все шире и шире пополняться простым людом. Расколоучители привлекали на свою сторону обездоленных, темных и суеверных людей. Они массами уходили в глухие северные леса, создавая там раскольнические общины – скиты, мечтая найти в них избавление от беспросветной жизни.

Самовластный патриарх Никон в конце концов потерял доверие царя, который стал избегать общения с ним. Церковный собор 1666 года лишил Никона сана и сослал его на 15 лет простым монахом в Белозерский Ферапонтов монастырь. В то же время собор одобрил никоновскую реформу и гонения на «еретиков и раскольников».

Петру I пришлось стать «продолжателем» отцовской борьбы с раскольниками. При этом он не останавливался ни перед какими жестокими мерами в гонениях на церковных раскольников-старообрядцев. Что, впрочем, было характерно для его преемников на российском престоле, включая Екатерину II Великую.

...Другим внутренним потрясением царства династии Романовых стал бунт Стеньки Разина, самого прославленного отечественного казака-разбойника. Сын донского казачьего полковника Рази из станицы Зимовейской Степан Тимофеевич Разин и стал предводителем Крестьянской войны, опалившей собой прежде всего Поволжье.

Весной 1668 года Степан Разин, прозимовавший в укрепленном Яицком городке, на судах спустился с отрядом в полторы тысячи вольных людей на юг Каспия. Пройдя вдоль его кавказского берега, он разграбил города Баку, Решт, Фарабад, Дербент. В последнем городе

было освобождено много русских пленников, ожидавших своей участи на местном невольничьем рынке. Выстроив на одном из островов крепость, разинцы перезимовали в ней.

Шах в июне 1669 года снарядил 70 мореходных лодок с 4 тысячами воинов на борту и приказал уничтожить непрошенных пришельцев. В морском сражении разинцы потопили или пленили почти все вражеские суда, за исключением трех. Однако и потери победителей оказались большими. К тому же среди них начались повальные болезни: на острове отсутствовала пресная вода.

Тогда казачий атаман решил вернуться домой. Среди его «трофеев» оказалась дочь астраханского Менеды-хана, известная в истории как «персидская принцесса». Пленников Разин хотел обменять у персов на своих людей, взятых в полон. В августе 1669 года разинцы с богатой добычей возвратились на Волгу. По пути они захватили персидские суда, которые везли царские подарки шаху, и разграбили рыбные промыслы астраханского митрополита. Молва об отважном и удачливом атамане разнеслась по Волге и Дону.

Астраханский воевода не решился на вооруженное столкновение с разинцами. Более того, вольные казаки получили царскую милостивую грамоту, прощавшую им все «воровские» дела. Они с триумфом приплыли к городу Астрахани. По договоренности с воеводой Разин должен был отдать ему всех пленников и пушки со стругов. Однако атаман тянул с этим. Вскоре казачий речной караван пошел вверх по Волге и высадился в Царицыне, где казаки освободили из воеводской тюрьмы всех заключенных.

Вернувшись на Дон, разинцы обосновались на небольшом Кагальницком острове, недалеко от станицы Кагальницкой. Сюда стали стекаться беглые люди. Уже первые сообщения о том вызвали в Москве крайнюю озабоченность.

Из столицы на Дон прибыл думный дворянин Евдокимов, чтобы навести среди донского казачества порядок. Он слишком круто взялся за дело. Разинцы прибыли на казачий круг в Черкасск, отстранили от власти войскового атамана, царского посланца утопили в реке, а атаманский бунчук преподнесли Степану Тимофеевичу.

После этого Разин во главе 7-тысячного отряда казаков и примкнувших к нему крестьян-повстанцев Василия Уса двинулся на Волгу. Были взяты Царицын, Черный Яр и Астраханская крепость. Местный воевода князь Прозоровский и многие «лучшие люди» были казнены. На городской площади перед Приказной избой состоялась «публичная казнь» всем казенным бумагам – их просто сожгли.

В 1770 году Крестьянская война охватила Поволжье. В руках восставших оказались Самара, Саратов, Алатырь, Саранск, Пенза и другие города. Один из повстанческих отрядов возглавила монастырская старица Алена. На Среднем Дону и Слободской Украине действовал брат Степана – Фрол.

Когда Разин решил двинуться с Волги на Москву, для него начались неудачи. Сперва он не смог взять приступом Симбирск, который оборонял воевода Иван Милославский. Затем восставшие понесли поражение в битве с войсками воеводы князя Юрия Барятинского.

Едва не попавшему в плен раненому Степану Разину пришлось бежать на Дон. Там он был захвачен домовитой казачьей старшиной во главе с донским атаманом Корнилом Яковлевым и отправлен в Москву. 6 июня 1671 года Разин был казнен на Красной площади при большом стечении народа.

Неизвестный автор «Сообщения касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» так описывал стойкость казачьего атамана во время казни: «Стенька слушал приговор с видом безучастным и не проронил ни слова, а лишь стоял, потупя глаза в землю. Когда пришло время палачу приступить к делу, Стенька несколько раз перекрестился, обратившись лицом к церкви Пречистой Богородицы Казанской, что означает Пресвятой Божьей Матери Казанской.

После того поклонился он трижды на три стороны собравшемуся народу, говоря “прости”, что выражает просьбу о прощении. И вот зажали ему промеж двух бревен, и отрубили правую руку по локоть и левую ногу по колено, а затем топором отсекли ему голову. Все было совершено в короткое время с превеликой поспешностью. И Стенька ни единым вздохом не обнаружил слабости духа».

Брат атамана – Фрол смалодушничал и в последний момент выкрикнул: «Государево дело!» По обычаю того времени это означало, что преступник хочет сообщить особо важную государственную тайну. Казнь Фрола Разина была отложена. Его продолжали допрашивать и пытать еще целых пять лет и только в мае 1676 года предали смерти.

Разинское восстание было подавлено с невиданной жестокостью. Автор «Сообщения», вышедшего во Франции в 1671 году, писал о расправе князя Юрия Долгорукого над побежденными в городе Арзамасе: «...На это место страшно было взглянуть. Оно походило на преддверие ада. Повсюду стояли виселицы. На каждой из них висело по сорок – пятьдесят человек. В других местах валялось множество обезглавленных тел, плававших в крови. В разных местах находились посаженные на колья. Некоторые из них жили до трех дней и даже говорили...»

Историки сходятся на том, что известная жестокость Петра I, особенно в ходе казней московских стрельцов и Стрелецкого розыска, имела «отцовские корни». Вне всякого сомнения, он знал о том, как подавлялась «разинщина», знал о кровавых делах «вора»-разбойника Стеньки Разина и потому без колебаний шел на самые крайние меры в репрессиях против всех тех, кто подрывал устои его самодержавной власти. Тем, кто на эту власть поднимал оружие, пощады не было и быть не могло. Здесь Петр I никогда не колебался.

...От отца Петру Великому достались в наследство не только властолюбие самодержца и жестокость к любым врагам династии, жажда к государевым трудам и стремление к реформаторской деятельности. Сын царя Алексея Тишайшего всю потрудился, раздвигая границы Российской державы. Он, как и отец, устремлял свой взор государя и на запад, и на юг, и на восток. У него был достойный подражания пример.

При царе Алексее Михайловиче совершались действительно великие географические открытия. Русское государство «прирасталось» неизведанными ранее сибирскими землями, богатыми «собольиной казной», но почти не заселенными и трудно проходимыми даже для вольных казаков и отчаянных промышленников.

В 1646 году Исай Нечаев открывает Чаунскую губу. Начинаются торговые отношения с воинственными чукчами. В следующем году основывается город Охотск, ставший на долгое время главной морской базой России на Тихом океане.

Летом 1648 года уходит на кочах в экспедицию от устья Колымы в Тихий океан бесстрашный Семен Дежнев с товарищем Федотом Алексеевым. В сентябре Дежнев открывает пролив между Азией и Америкой – пролив Анадырское устье, и обследует пути с Анадыря на приток Колымы Анюй.

В 1649–1653 годах состоялась большая экспедиция и походы Ерофея Павлова Хабарова-Святитского для завоевания Даурской земли в Приамурье. Даурия была завоевана, и Хабаров составляет первую карту-чертеж приамурских земель.

Исполняя царскую волю, казаки-землепроходцы и промышленники ищут все новые и новые пути-дороги в необъятной сибирской земле. В 1651 году служилый человек Михаил Стадухин открывает путь сухопутным с Колымы на северное побережье Охотского моря.

В 1661 году основывается город Иркутск и начинается активное освоение прибайкальских земель. Через четыре года отрядом беглых казаков основывается «воровской» Албазинский острог. В 1667 году в Тобольске началась подготовка подробного обзора Сибири под руководством воеводы стольника П.И. Годунова. На следующий составляется «чертеж» (карта) Сибирской земли.

Царь Алексей Михайлович оставил сыну Петру I и известную страсть к расширению внешнеполитических отношений с ближними и дальними соседями. Продолжается сближение разоренной турками и персами Грузии с Россией. В 1650 году царь Имеретии – Восточной Грузии Александр присягает на верность русскому царю.

Москва предпринимает несколько попыток налаживания дружественных отношений с Китаем. В 1654–1658 годах состоялось посольство Ф. Байкова – первая неудачная попытка установить межгосударственные отношения между Москвой и Пекином. Тем временем река Амур становится зоной военных столкновений: 20 декабря 1658 года многочисленный китайский флот разбивает на речных водах отряд под начальством Онуфрия Степанова.

Новое посольство в Китай во главе с Перфильевым направляется в июне 1668 года. Очередная попытка установления межгосударственных отношений заканчивается провалом. В 1675–1677 годах новой неудачей заканчивается поездка в Китай русского посольства во главе с Николаем Спафарием. Он впервые описывает Китайскую империю в составленном им «Статейном списке посольства в Китай».

Такая настойчивость царя Алексея Михайловича, Боярской думы и Посольского приказа в установлении дипломатических, дружественных межгосударственных отношений с далеким Китаем объясняется просто. Москва была заинтересована в обеспечении безопасности своих восточных рубежей, мира на сибирской границе.

...Можно утверждать, что стремление Петра Великого сделать Россию морской державой тоже имело «отцовские корни». Сын просто не мог не знать, как его родитель самым серьезным образом пытался создать отечественный военный флот на Каспии, чтобы утвердиться на этом море. Тогда ни Персия, ни ханства Северного Азербайджана военных судов здесь не имели.

В селе Дединове Коломенского уезда на реке Оке благодаря трудам богатого русского купца Василия Шорина и ближнего боярина, «изобретателя царской печати и тайных посольских дел» Афанасия Ордын-Нащокина был построен трехпалубный парусный корабль «Орел», яхта и несколько других более малых мореходных судов.

Построенная на Оке военная флотилия предназначалась для плаваний по Каспию и сопровождения купеческих караванов к персидским берегам. Корабль «Орел» имел на вооружении 32 пушки. Его экипаж частично состоял из наемных моряков-иностранцев. Флотилия спустилась по Волге и стала на якорь в одном из ее протоков близ Астрахани.

Однако выйти в Каспийское море русской флотилии не довелось. По одним сведениям, «Орел» и другие суда были сожжены во время разинского «бунта». По другим (более достоверным) сведениям, корабли, так и не увидевшие морских просторов, пришли в ветхость и воеводским приказом были разоружены и разобраны.

Царь Алексей Михайлович ушел из жизни 30 января 1676 года. Он болел цингой, отягощенной водянкой. За два года до своей смерти он предусмотрительно составил завещание о наследовании царского престола старшим сыном Федором.

Второй государь из династии Романовых вошел в отечественную историю как разумный правитель, крупный военный реформатор и полководец. Его прозвище Тишайший не соответствовало сути этого ко многому обязывающего слова: Московское государство во время его правления переживало трудные времена.

Он не успел, да и не смог, довести до конца начатые им военные реформы. При царе Федоре Алексеевиче и правительнице царевне Софье они заглухнут, и старая Россия будет доживать свой век «по старине». Пока на престол не взойдет Петр I, понявший все величие отцовских военных преобразований. Но здесь Петр Великий пойдет своим реформаторским «маршрутом».

...Федор был сыном Алексея Тишайшего от первой жены Марии Милославской, которая после него родила венценосному супругу еще шестерых дочерей, в том числе Софью, и сына Ивана. Кроме них, не дожили до совершеннолетия две дочери и три сына. Беда государя была

в том, что его выжившие сыновья Федор и особенно Иван были «болезненны телом и умом». Они «страдали скорбутом, или цингой».

После смерти Марии Ильиничны царь женился во второй раз – на Наталье Кирилловне Нарышкиной, тоже из знатного рода. Ее отцом был тарусский помещик, стольник и полковник рейтарского полка К.П. Нарышкин. Она проживала в Москве в семействе Артамона Матвеева, получила там не только хорошее воспитание, но и образование. Царь познакомился с ней в морозовском доме.

Наталья Нарышкина принесла венценосному супругу сына Петра, родившегося в Кремлевском дворце в ночь на 30 мая 1672 года, и дочь Наталью, которая появилась на свет в следующем году. О семейной радости в царской семье возвестил Москве колокольный звон. В Успенском соборе в пять часов утра состоялось молебствование по такому случаю, на котором присутствовал самодержец, бояре и ближние люди.

«Потом Его Величество ходил на поклонение праху родителей в Архангельский собор и Вознесенский монастырь, помолился в Чудовом монастыре над гробом своего ангела, святителя Алексея митрополита, и приложился к святым иконам в благовещенском соборе. Свою радость царь выразил также щедрыми милостями и обычными в таких случаях угощениями бояр, думных и близких людей, а также полковников и голов стрелецких».

Новорожденного нарекли именем Петра. Нарекли пророчески, поскольку Петр переводится с греческого как «скала», «камень». Ему предстояло сыграть в истории государства Российского такую великую роль, что имя его остается на слуху до сих пор у каждого россиянина.

Однако современникам тогда было ясно, что Петру из рода Нарышкиных шапкой Мономаха было не владеть, не случись «чудо». Отцовский престол по порядку перед ним должны были наследовать старшие по отцу братья Федор и Иван, по матери из рода Милославских. То есть шансы воцариться при рождении у Петра смотрелись довольно призрачными. Хотя, как говорится, чем судьба не шутит.

Федор Алексеевич, третий (и старший из трех сыновей «Тишайшего») по счету монарх из династии Романовых, вступил на отцовский престол пятнадцатилетним юношей. Он получил неплохое воспитание: его образованием занимался Симеон Полоцкий, белорусский и русский общественный и церковный деятель, писатель. Его имя в миру – Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович. Преподавал в школе Заиконо-Спасского монастыря. Являлся автором проекта Славяно-греко-латинской академии, одним из зачинателей русского силлабического стихосложения и драматургии.

По состоянию здоровья молодой царь Федор Алексеевич не мог заниматься активной государственной деятельностью. От рождения он страдал тяжелой формой цинги. Поэтому с его воцарением власть при дворе сразу же захватили Милославские и их родня. Особый вес приобрели два ближних боярина – бывший казанский воевода Иван Богданович Милославский, руководивший обороной Симбирска от разинцев, и Иван Михайлович Милославский, возглавивший гонения на род Нарышкиных.

К слову говоря, эти два древних рода – Милославских и Нарышкиных с их многочисленной родней давно «местничали» между собой, то есть их вражда видится в истории застарелой. Она то утихала, то вспыхивала по случаю вновь. В 1676 году Нарышкины оказались в опале, или, как тогда говорили, «в нелюбье». Царицу Наталью Кирилловну вместе с малолетним сыном отселили во «вдовью горенку» Московского Кремля. Она тогда много натерпелась от Милославских.

Первым делом Милославские удалили из царского двора ненавистного им Артамона Матвеева. Его обвинили за любовь к книгам, в чернокнижии и в нерадении о здоровье царя Алексея Михайловича. Матвеева лишили звания боярина, имения и, дав только тысячу рублей, сослали подальше, в Пустозерск, на берега ледовой Арктики. Оттуда он вернулся только через шесть лет.

Вслед за Артамоном Матвеевым в ссылку отправили по разным обвинениям двоих Нарышкиных, в том числе старшего брата царицы Ивана Кирилловича. Вдове-царице Наталье Кирилловне волей-неволей пришлось съехать с царского двора и с детьми удалиться в подмосковные села Коломенское, Воробьево и, наконец, в Преображенское. Там она жила в постоянном страхе за судьбу своего сына Петра Алексеевича.

У вдовы царя Алексея Михайловича был в Преображенском свой штат царицы: стольники и дети боярские, боярыни и постельницы, своя мастерская с мастерицами (швеями). В стольники назначались сыновья бояр, окольных и ближних людей из числа дворян, начиная лет с десяти. Дети боярские составляли почетную стражу.

В стольниках у Натальи Кирилловны числились ее близкие родственники: родные братья Лев, Мартемьян и Федор, ее племянники – Василий, Андрей и Семен Нарышкины и другие лица из рода Нарышкиных. Род их Милославскими, когда они «роились» вокруг царского трона, держался в опале. Нарышкиных «обходили чинами и честью», не давали значимых мест в приказах и не ставили на воеводство.

После смерти отца о маленьком Петре Алексеевиче, переехавшем вместе с матерью из хором Кремлевского дворца в царское село Преображенское, как-то позабыли. Он рос крепким и здоровым, любознательным и жизнерадостным мальчиком. Еще в малом возрасте среди его игрушек были детские сабельки, луки со стрелами, булавы и перначи, ножички и топорки, барабаны, «потешные пистолы, карабины и пищали».

Князь Борис Куракин в своих «Записках» свидетельствовал: «В малых своих летах Петр обучался обращению с ружьем и солдатскому строю у стрельца Присвова Обросима Белого полку и барабанным боям у Федора, барабанного старосты Стремянного полку».

К играм маленького царевича привлекались стольники царицы и карлы, которые годами были немногим старше Петра. Еще в Кремлевском дворце отец сделал для сына из «свинцовых досок пруд». Он предназначался для полива растений в «набережном саду», устроенном наверху большого каменного здания, стоявшего близ Боровицких ворот. «Пруд» стал местом для плаваний двух потешных лодок – «карбуса» и «шняка». По некоторым предположениям, на них размещались царевич «с товарищами». Таким образом, Петр в 8 лет получил охоту к воде, впоследствии обратившуюся в страсть.

Первым учителем маленького царевича стал Никита Зотов, по такому случаю одетый в пожалованную от казны одежду. Обучение Петра азбуке началось с того, что патриарх прочитал «молитву перед началом ученья». Учить арифметике его стали где-то лет с четырнадцати...

Тем временем в первопрестольной Москве «вызревали династические страсти». Родовитые Милославские во всем придерживались русской старины. На их стороне было именитое боярство, которое противилось любым «ветрам» из Европы. Главой партии Милославских стали дядя царя и властолюбивый патриарх Иоаким, опорой которых стали приказы (полки) московских стрельцов, составлявших основу столичного гарнизона.

Царь Федор Алексеевич, как ученик Полоцкого, придерживался польско-киевского культурного влияния. Он знал польский язык и латынь, любил проводить время за книгами и даже сочинял музыку. Государь довольно скоро стал тяготиться своей властолюбивой родней, и через три года Милославским пришлось уступить свое место у трона другим людям.

Теперь самыми влиятельными приближенными самодержавного властелина России как-то незаметно стали люди совсем не знатные, но честные – постельничий Языков и спальник Лихачев. К делам государства и ко двору приблизился и молодой, образованный князь Василий Васильевич Голицын. Со временем он стал любимцем, а затем и любовником царевны Софьи Алексеевны, будущей правительницы.

Когда пришла пора жениться, царь Федор Алексеевич сам выбрал для себя невесту. Избранницей стала полька, дочь смоленского шляхтича Агафья Семеновна Грушецкая, незнатная, но образованная. При царском дворе впервые стали брить бороды, стричь волосы и носить

«немецкое платье». Но на такие поступки решались лишь немногие. Через год после свадьбы царица умерла при родах.

Второй женой царя Федора Алексеевича стала родственница пастельничего Языкова Марфа Апраксина. К тому времени – свадьба состоялась в феврале 1682 года – царь был уже безнадежно болен и 27 апреля того же года скончался на двадцать первом году жизни. Потомства, то есть прямых наследников, он после себя не оставил, равно как и не назначил себе преемника на российском троне. Однако Федор Алексеевич пережил трех своих братьев из пяти, которые умерли еще при жизни отца.

Непродолжительное царствование третьего государя из династии Романовых оказалось для государства относительно спокойным. Если не считать дел украинских, связанных с разнотимыми поступками гетманов Малороссии, и Русско-турецкой войны 1676–1681 годов.

Война выразилась в двух Чигиринских походах турецкой армии и конницы Крымского ханства. По мирному договору за Россией осталась Левобережная Украина, а на Левобережье, кроме Киева, ее владениями стали еще и города Васильков, Триполь, Тайки. Вопрос о подданстве запорожцев остался открытым. Крымский хан обязывался не нападать на московские пределы. Война длилась почти все царствование Федора Алексеевича.

За время его правления в царстве каких-либо серьезных преобразований не произошло. Если не считать, что военная сила Москвы окрепла. Лишь при восшествии на престол государь «явил новизну», открыв в столице духовное училище на 30 человек, в котором преподавали монахи Греческой православной церкви. Царь Федор государственными делами по состоянию здоровья себя не обременял. Делами у него заправляла Боярская дума. Ее члены – бояре, окольные и думные дьяки обязывались царским указом прибывать на «рабочие места» в первом часу после рассвета.

Третий венценосный Романов вошел в народное сознание как монарх, заботившийся о бедных людях. За счет государственной казны он строил дома для многих тысяч убогих и нищих людей. При нем предварительные дела в Разбойном приказе решались без промедления. В «Уложении» по вопросам судопроизводства появилось много новых статей. Царь лично рассматривал дела о «тюремном мучительстве».

Федор Алексеевич все же сделал немало существенного для продолжения отцовских военных преобразований, хотя реформатором в этой области его назвать трудно. В 1680 году он передал руководство военными приказами – Разрядным, Рейтарским и Иноземным (ведавшим солдатскими полками) в руки одного человека – известного воеводы князя Юрия Долгорукого. Вскоре ему в подчинение был передан и Стрелецкий приказ. Благодаря этому все остальные приказы теряли свои военные функции. Все финансовые дела сосредотачиваются в приказе Большой казны. В 1680 году Россия впервые получила государственный бюджет. Поместные и вотчинные дела полностью передаются в Поместный приказ.

Самым примечательным гражданским актом правления Федора Алексеевича стало уничтожение местничества. 12 января 1682 года царь утверждает указ Боярской думы об отмене местничества и окончательном уравнивании в правах правящих слоев государства.

Ранее люди знатного происхождения законным образом претендовали на самые высокие посты не по личным качествам и заслугам, а по именитости происхождения. Такая «борьба» за места постоянно вела к личной вражде различных боярских родов и ничего, кроме зримого вреда, государству не давало.

Уничтожения местничества требовала сама жизнь. Старое боярство пришло в упадок, и потому в Боярской думе становилось все больше и больше представителей неродовитого дворянства. По царскому повелению «Разрядные книги» подверглись публичному сожжению в передней государевой палаты в присутствии патриарха, епископов, боярства и думных чинов (всего 167 человек). Историк Ключевский по этому поводу заметил, что в России «умерло боярство».

Своим преемникам Федор Алексеевич оставил усовершенствованную налоговую систему. В 1681 году он «простил» все недоимки должников, снизил общую сумму налогообложения и установил в своих грамотах льготы для каждого уезда. Совершенствование косвенных налогов привело к росту казенной прибыли. Перед смертью царь возвратил из ссылки бывшего патриарха Никона, принял участие в его похоронах. Вскоре Никон был официально реабилитирован Собором восточных патриархов и посмертно восстановлен в патриаршем звании.

К концу своего правления самодержец Федор Романов стал крупнейшим землевладельцем в государстве. По переписи 1678 года дворовые владения царя составили 88 тысяч крестьянских дворов. Все бояре, окольные и думные дворяне владели вместе 45 тысячами дворов. Церковные владения составляли более 116 тысяч крестьянских дворов. Вторым по богатству землевладельцем Московского царства являлся патриарх с более чем 7 тысячами дворов.

При Федоре Алексеевиче государственная граница на Юге отодвинулась на 150–200 верст. Совершенно безопасными для проживания стали 30 тысяч квадратных километров плодородных земель южнее Белгородской укрепленной пограничной линии. На Диком поле появились новые такие линии – Изюмская и Новая черта. Последняя шла от Нового Ломова через Пензу до Сызрани на Волге.

Началось быстрое заселение южнорусских степных земель. Шла раздача свободных земель дворцовой знати и служилым дворянам. Среди последних имелось большое число однодворцев, то есть не имевших еще тягловых крестьянских дворов. Землепашество на Юге заметно оживило экономическую жизнь страны: на Север пошел дешевый и обильный хлеб.

Отечественные историки не расходятся в оценке личности человека, царившего на российском престоле всего шесть лет. Так, С.М. Соловьев высказался следующим образом: «От слабого и болезненного Федора нельзя было ожидать сильного личного участия в тех преобразованиях, которые стояли на очереди, в которых больше всего нуждалась Россия, он не мог создать новое войско и водить его к победам, строить флот, крепости, рыть каналы, и все торопить личным содействием; Федор был преобразователем, во сколько он мог быть им, оставаясь в четырех стенах своей комнаты и спальни».

Последним деянием государя стало решение о посылке «Симбирского полка на китайцы» под начальством воеводы К.О. Хлопова. Это был ответ на ультиматум китайского императора нерчинскому воеводе об уничтожении русских поселений на реке Зее. Циньская империя предъявляла свои права на Приамурье.

Последним царским указом стало решение по делу полковника Семена Грибоедова, сосланного на Север, в Тотьму с «отнятием в казну имений». 23 апреля 1682 года два десятка стрелецких полков и несколько полков выборных солдат направили в Кремлевский дворец своих представителей с челобитием на злоупотребления полкового командира. Ссылкой Грибоедова тогда удалось избежать «возмущения» в московских стрелецких слободах и столичном гарнизоне.

Предвидя скорую кончину безнадежно больного царя, родовитое боярство во главе с патриархом Иоакимом уже готовило государственный переворот с целью отстранения от законного наследства болезненного 16-летнего царевича Ивана, страдавшего слабоумием, в пользу 10-летнего Петра, радовавшего глаз своим здоровьем, смысленностью и недетской твердостью характера.

Царь Федор Алексеевич ушел из жизни 12 апреля 1682 года на 21-м году жизни, на 7-м году своего царствования. В «сей же час» по смерти государя на освободившийся монарший престол был посажен малолетний Петр I Алексеевич. Его современник, князь Борис Куракин, так описывал то событие: «И по обычаю, когда смерть случается коронованной главе или крове их, ударено было в соборной большой колокол трижды для знаку народного».

И тогда ж и на утрое, патриарх Иаким и вся Палата собрались и все чины знатные и персоны ко двору. И когда патриарх объявил всем о смерти и предложил о избрании на царство из двух братьев царевича Ивана и Петра Алексеевича, и стало быть несогласие как в боярех, так и площадных: одни – одного, а другие – другова. Однако ж, большая часть, как из бояр и из знатных и других площадных, так же и патриарх, явились склонны избрать меньшого царевича Петра Алексеевича.

И по многим несогласии, того ж дня избрали царем царевича Петра Алексеевича. И в Крестовой (палате), и у Спаса начали крест целовати, также и в Соборе и на площади шляхетству и народу, и на Красном крыльце гвардии (стрельцы) стоящей того дня...»

По обычаю до его совершеннолетия правительницей становилась мать малолетнего государя, вдова-царица Наталия Кирилловна. Московские стрельцы в тот день спокойно присягнули на верность новому самодержцу «всея Руси». Наталия Кирилловна с сыном покинула «вдовью горенку» и перебралась в хорошо знакомые ей царские палаты. Первым делом правительницы стал вызов в Москву из ссылки А.С. Матвеева, который «мог поправить крайне опасное состояние умов в разнузданном (стрелецком) войске при общем безначалии». Ему было предписано «ехать как можно скорее».

Казалось бы, процедура возведения на отцовский престол малолетнего Петра Романова была проста и лишена тайной дипломатии, по крайней мере долгой. И что Милославские уступили Нарышкиным шапку Мономаха без борьбы. В действительности же все смотрится совсем не так, о чем и будет рассказано ниже.

Правил Русским царством Петр Алексеевич в одиночестве всего лишь месяц. Большого срока единовластного правления ему, царевичу из рода Нарышкиных, влиятельные Милославские не позволили. У них была своя кандидатура на престол Русского царства. И вполне законная в лице царевича Ивана Алексеевича...

Что представляла собой евразийская Московская держава на год венчания Петра Алексеевича на царство? Вопрос не праздный, поскольку он болью станет отдаваться в сердце Петра I, когда тот возьмет бразды правления в собственные руки, пройдя через испытания борьбы с сестрой царевной Софьей и стрелецких бунтов. Можно привести такие цифры.

В XVII веке (оценочно) в тогдашнем Московском царстве проживало 14 миллионов человек, во Франции – 15, во всех немецких государствах – 20, в Испании – 10, Англии и Швеции – по 3, в Голландии – 1,2 миллиона человек. То есть Русское царство отличалось многолюдством, а еще больше – своей обширностью, которая в Европе угадывалась довольно смутно. Это и пугало неизвестностью тогдашние континентальные столицы.

Но при такой численности населения Московия давала менее одного процента европейского производства железа, внешняя торговля едва теплилась. В ее городах проживало всего лишь 2,5 процента населения страны, тогда как доля городского населения в экономически развитых странах европейского континента составляла 20–25 процентов.

Какой видели Московию в Европе в самом начале царствования Петра I Великого? Прославленный французский дипломат герцог Сюлли оставил после себя мемуары, в которых есть упоминание и о России той эпохи: «Я не говорю о Московии или Руси Великой. Эти огромные земли, имеющие не менее 600 лье в длину и 400 лье в ширину, населены в значительной части идолопоклонниками, в меньшей части – раскольниками, как греки или армяне, и при этом множество суевериев и обычаев почти полностью отличают их от нас.

Помимо этого русские принадлежат Азии столько же, сколько и Европе, и их следует рассматривать как народ варварский, относить к странам, подобным Турции, хотя уже пятьсот лет они стоят в ряду христианских государств».

Таково, говоря словами герцога Сюлли, было понимание Европой изначальной сущности Русского царства. Тот же французский дипломат так говорит о возможном месте России в европейском сообществе: «Если великий князь Московский или царь русский, которого счи-

тают князем скифским, откажется вступить в это объединение (систему государств Европы. – *А.Ш.*), когда ему будет сделано соответствующее предложение, то с ним следует обращаться как с турецким султаном, лишить его владений в Европе и отбросить в Азию».

Европа предрекала Московии, скажем прямо, незавидную в истории континента судьбу. Герцог Сюлли был далеко не одинок в таких суждениях. Кто знает, что уготовила бы судьба Российской державе, стоявшей на границах Европы и Азии, не появившись на ее престоле один из самых великих реформаторов в мировой истории в лице Петра I Алексеевича Великого из царствующей династии Романовых.

Глава 2

Стрелецкий бунт. Троецарствие. Жизнь в Преображенском. Царствование Иоанна и Петра. «Потешные» полки. Царевна Софья. Немецкая слобода. Военские утехы. Кожуховский поход

Со смертью третьего Романова – обладателя шапки Мономаха на российском престоле возник династический кризис, грозивший государству большими потрясениями. Как внутренними, так и внешними. Ясного и точно сформулированного закона о престолонаследии тогда не существовало. Претендентов же на престол законных по мужской линии было двое – 16-летний царевич Иван и 10-летний царевич Петр.

Но ни тот, ни другой не были способны управлять царством. Первый в силу видимой слабости здоровья и по умственному развитию. Второй – по малолетству. Хотя уже разительно отличался от старшего брата сильными чертами характера: настойчивостью, упрямством, сообразительностью, смекалкой и любознательностью, не жалуясь при этом на здоровье.

За каждым из царевичей стояли могущественные боярские роды – Милославские и Нарышкины, каждый со своими сторонниками. И те и другие были готовы к самой решительной, бескомпромиссной борьбе за высшую власть. Они прекрасно понимали, что в противном случае их ждет бесчестие, ссылки, заточение, лишение поместий и, вполне возможно, жизни. Причем речь шла не об отдельных личностях, а о двух многочисленных семействах, немало лет соперничавших между собой при царском дворе.

Смерть царя Федора Алексеевича сделала положение Милославских более затруднительным, чем Нарышкиных. Они уже не имели сколько-нибудь сильных и решительных личностей, способных умело действовать в той непростой династической ситуации. Все же такой лидер у них нашелся – царевна Софья Алексеевна, шестая дочь Тишайшего от Марии Милославской.

Она резко выделялась среди других царевен. Родившись в 1657 году, Софья затворницей просидела до двадцати лет в царском тереме. Обычный путь оттуда царевнам лежал в престижный женский монастырь. Софья же сама выбрала себе иной путь, решившись бороться за «царство», хотя в конечном итоге оказалась в положении проигравшей.

В юности она стала прилежной и способной ученицей знаменитого Симеона Полоцкого, обучавшего царских детей. В ее сильном характере переплетались старозаветные и вполне современные черты женщины своего времени. С одной стороны, Софья читала толстые церковные книги, обожала жития святых, много общалась с юродивыми и старицами, во множестве кормившихся при царском дворе. С другой стороны, царевна, обладая любознательностью и острым умом, хорошо писала, сочиняла стихи, была знакома с латынью и свободно владела польским языком.

Историк Н.М. Карамзин через полторы сотни лет писал, отзываясь о литературных трудах (!) русской царевны, схватившейся за власть с Петром Великим, следующее: «Софья занималась и литературой, писала трагедии и сама играла их в кругу приближенных. Мы читали в рукописи одну из ее драм и думаем, что царевна могла бы сравниться с лучшими писательницами всех времен».

Но для борьбы за власть на Руси от характера царевны требовались иные черты личности. Сам Петр I Алексеевич так отзывался о своей жаждущей высшей власти старшей сестре: «Жаль, что при великом уме своем имеет она великую злость и коварство...»

Петр I был не одинок в подобных отзывах современников. Его дипломат Андрей Матвеев, родной сын Артамона Матвеева, отзывался о царевне Софье весьма нелестно, обличая

ее «высокоумие, хитрость, зависть, сластолюбие и любочестие». Книгохранитель Московского печатного двора Сильвестр Медведев называл ее «больше мужского ума исполненная дева».

Более правдивую характеристику царевне Софье для ее времени мог дать, пожалуй, только посторонний человек. Таковым оказался француз Невиль, оказавшийся в Москве под видом польского посланника. Он отзывался о царской дочери так: «Эта принцесса с честолюбием и жаждой властолюбия, нетерпеливая, пылкая, увлекающаяся, с твердостью и храбростью соединяла ум обширный и предприимчивый».

Царевна не отличалась внешней красотой, была тучна, круглолица, обладала, в отличие от ее братьев по матери, крепким здоровьем. Хотя при отцовском дворе соблюдались порядки и обычаи Домостроя, девица Софья открыто завела себе фаворита в лице женатого князя Василия Васильевича Голицына. Она прочила ему завидную судьбу.

В борьбе за власть у царевны Софьи Алексеевны нашлось немного деятельных сторонников. Среди них выделялся лишь князь Иван Андреевич Хованский из рода Гедиминовичей, опора раскольников при царском дворе. Он оказался у Софьи тем преданным человеком, который был готов исполнить ее самые щекотливые поручения.

Московский люд прозвал его за «шумную» деятельность и умение говорить «красное слово» Тараруем. В русской столице имя князя было у всех «на слуху», что свидетельствовало о личной популярности среди горожан этого знатного человека. Ко всему прочему, Хованский-старший породнился с Милославскими, женив своего среднего сына Андрея на сестре Софьи Екатерине Алексеевне.

И во главе лагеря противников Милославских оказалась женщина, мать малолетнего Петра Алексеевича – Наталья Нарышкина. По свидетельству друга ее сына князя Бориса Куракина, вдовая царица была женщиной «доброго темпераменту, токмо не была ни прилежная и не искусная в делах и ума легкого». То есть в истории она не смотрится такой сильной личностью, какой являлась царевна Софья. Но ее и сына поддерживали образованные и способные люди – Артамон Матвеев, Иван Языков, Апраксин, высшие духовные лица.

Когда царь Алексей Тишайший ушел из жизни, Нарышкины и их сторонники обратились к патриарху Иоакиму с предложением обратиться к народу с Красного крыльца Кремлевского дворца с вопросом: «Кому быть царем всея Руси? Царевичу Ивану или царевичу Петру?»

В той непростой ситуации это был, пожалуй, самый верный шаг к разрешению вопроса о престолонаследии. Патриарх, не питавший особых симпатий к Милославским, так и поступил, обратившись к огромной толпе москвичей, толпившихся в Кремле у царского дворца по печальному случаю. Народ в ответ на обращение патриарха достаточно единодушно прокричал: «Петра! Петра! Петра!..»

Так десятилетний Петр I Алексеевич Романов был провозглашен российским самодержцем, царем, обладателем шапки Мономаха. Но перед тем как многотысячная толпа московского люда «выкрикнула Петра на царство», вопрос о престолонаследии был решен на совещании Земского собора, на котором присутствовали члены Боярской думы и патриарх, предложивший избрать на царство кого-либо из двух братьев.

Автор «Гистории о царе Петре Алексеевиче» князь Б.И. Куракин, по близким и свежим воспоминаниям участников того события, пишет следующее: «...Стало быть несогласие, как в боярех, так и площадных: один одного, а другие другога. И по многом несогласии избрали царем царевича Петра Алексеевича».

Об ожесточенности споров на самом высоком уровне свидетельствует такой факт. Приверженцы Петра – князья Борис и Иван Алексеевичи Голицыны и князья Долгорукие, отправляясь в Кремлевский дворец по случаю кончины царя Федора Алексеевича, надели под платье панцыри. Они опасались, что спор с Милославскими дойдет до ножей.

...Казалось бы, все становилось на свои места. Вдовая царица Наталья Кирилловна становилась опекушкой севшего на престол малолетнего сына и временной правительницей госу-

дарства. Боярин Артамон Матвеев, как и при царе Федоре Алексеевиче, становился первым человеком в правительствующей Боярской думе.

Нарышкины сразу же возвышались, а Милославских ждала неизбежная опала. Если не всех, то многих. Царевне Софье, пусть и не сразу, оставался один-единственный традиционный путь – в монастырь, скорее всего в столичный Новодевичий. Разумеется, там ее ожидала судьба не родовой монахини, но все равно затворницы, лишенной светского образа жизни. Но тут в дела государственные вмешались московские стрельцы.

Полки нового иноземного строя еще не стали основной массой государственного войска. В 1681 году насчитывалось 55 тысяч стрельцов – московских и городовых. Большая часть их квартировала вдали от столицы. Стрелецкие приказы (полки) являлись огнестрельной пехотой. Лишь один полк – «Стремянной» (или «царский»), небольшой по численности, был конным и имел дополнительно на вооружении саадак – лук со стрелами.

На то время из общего числа стрелецкого войска в Москве числилось 22,5 тысячи человек. Это были привилегированные ратные люди. Они получали (в отличие от городовых стрельцов) за службу довольно регулярно «царское жалованье» деньгами, хлебом, солью и сукном на платье. Имели одинаковое вооружение и одежду, цвет которой различался по полкам (красный, белый, голубой, ярко-зеленый, малиновый). Одевались в нарядный длиннополый подпоясанный кафтан, сафьяновые, большей частью желтые сапоги и бархатную шапку с собольей опушкой.

Каждый из рядовых стрельцов был вооружен пищалью – ручницей, саблей и бердышом, с которого в огневом бою велась стрельба стоя. Через плечо висела белая берендейка – ремень с подвешенными к нему пищальными зарядами. Реально в столице весной 1681 года находилось 19 стрелецких полков численностью в 14 198 человек. Численность полка тогда не превышала сотни человек с огнестрельным оружием.

Прожить на одно жалованье, которое к тому же выплачивалось нерегулярно, московские стрельцы с семьями не могли. Поэтому им разрешалось «царской волей» держать торговые лавки на городском посаде, заниматься ремеслом. Каждая семья имела в стрелецких слободах свою усадьбу с огородом и садом.

Стрельцы, подобно казакам, управлялись «кругом». Но полковых командиров назначали боярские власти. Те часто злоупотребляли начальственным положением над подчиненными: присваивали полковые деньги, заставляли стрельцов работать на себя, строго наказывали неугодных.

Сильное брожение в московских полках началось еще в последние годы жизни царя Алексея Михайловича. За четыре дня до его смерти стрельцы подали ему челобитную с жалобой на своих корыстолюбивых полковников, среди которых особо отличался Семен Грибоедов. Через шесть дней, уже после смерти государя, была подана новая челобитная. В ней говорилось:

«На наших землях, на наши деньги полковники выстроили себе загородные дома; посылают наших жен и детей в свои деревни, чтобы пруды копать, плотины и мельницы строить, дрова рубить; нас самих употребляют на самые тяжелые и грязные работы, побоями принуждают на собственный наш счет покупать себе цветные кафтаны с золотыми нашивками, бархатные шапки и желтые сапоги; государева жалованья нам не выдают и много вычитают из денег и хлебных запасов».

Нарышкины в те тревожные дни, особенно братья царицы, занимались дележом государственных постов. И потому они не желали видеть назревавшего бунта в стрелецких и солдатских выборных полках столичного гарнизона. Это и послужило им самую плохую службу: только-только полученная державная власть уплыла из рук Нарышкиных.

Сложившейся ситуацией умело распорядилась царевна Софья и Милославские. Стрельцы теперь собирались не только на тайные сходки, но и на открытые совещания, обсуж-

дая свои требования и вспоминая про прежние обиды. Московский гарнизон быстро превращался в пороховую бочку.

30 апреля 1682 года вооруженные стрельцы ворвались в Кремль и потребовали от боярской власти выдать им на расправу 16 военных командиров, особенно злоупотреблявших своим положением и восстановивших против себя не только стрелецкие полки, а весь столичный гарнизон.

Царица-регентша и ее ближние люди, растерявшиеся и бессильные против многотысячной толпы вооруженных людей, уступили ее требованиям. Виновных военачальников сняли с занимаемых постов и подвергли публичному наказанию кнутом. Казалось, что напряжение было снято.

Из ссылки был срочно вызван деятельный Артамон Матвеев. Он вместе с боярами – отцом и сыном князьями Долгорукими (главой Стрелецкого приказа и его товарищем, то есть заместителем), не владевшими ситуацией, высказался за применения сыска к бунтовщикам. Стрельцам стали из Кремля грозить силой и наказаниями. Но потушить только начинающее разгораться пламя Стрелецкого бунта не удалось.

Софья и князь Иван Хованский, становившийся среди стрельцов все более популярным человеком, не теряли время даром, стремясь не упустить выгодного момента. Царевна в борьбе за власть открыто сделала ставку на московских стрельцов, что впоследствии ее и погубило.

Стрельцам стали раздавать немалые деньги. В столице заговорили, что Нарышкины хотят истребить всех Милославских, а Москву отдать на прокорм иноземцам. Наконец был пущен слух, что брат царицы Иван Нарышкин «примерял» в Кремлевском дворце царское одеяние. И что в Кремле «тайно задушен добрый и благочестивый царевич Иван».

15 мая стрельцы и солдаты с оружием в руках – пищалями, бердышами и даже пушками, под звуки набата, с барабанным боем и развернутыми знаменами заняли Кремль. Был окружен царский дворец. Восставшие действовали по заранее намеченному плану, взяв столицу фактически в свои руки.

Стрельцы шумно потребовали показать им царевича Ивана. Царица Наталья Кирилловна, патриарх Иоаким и бояре вывели на Красное крыльцо царевича Ивана («тайно задушенного») и царя Петра I. Они были поставлены на всеобщее обозрение. Здесь же была и царевна Софья. Стрельцы кричали государю Петру Алексеевичу: «Свет ты наш!.. Объяви ты нам своего государева брата!.. Жив ли есть или мертв!»

Но успокоить бунтующих стрельцов их видом не удалось. Они потребовали выдать им изменников, имена которых были указаны в списке, составленном кем-то заранее. В нем на первом месте стоял боярин Артамон Матвеев, затем восемь Нарышкиных, начальник Стрелецкого приказа Юрий Долгорукий и его сын Михаил, князь Григорий Ромодановский.

Не получив утвердительного ответа, стрельцы, невзирая на бояр и даже самого патриарха, ворвались в Кремлевский дворец. Они сами стали разыскивать приговоренных ими же к смерти врагов Милославских. Их никто не удерживал: служилые люди, находившиеся во дворце, частью разбежались, частью попрятались.

Жертвами самосуда стали Артамон Матвеев, князья Долгорукие, два брата царицы – Иван (на его выдаче настояла царевна Софья) и Афанасий, еще несколько знатных людей. Они погибли от бердышей и копий, будучи в буквальном смысле растерзаны разъяренной толпой служилых людей.

Весь этот кровавый беспредел творился на глазах 10-летнего Петра, оставшись до конца жизни неизгладимой страницей в его памяти. Очевидцы тех кремлевских сцен не смогли при этом не заметить царственной твердости царя Петра Алексеевича: он не изменился в лице при виде той жестокой расправы, только хмурил брови. Но те майские ужасы врезались в его память неизгладимо, что и скажется впоследствии в его государевых расправах.

В Судном и Холопьем приказах бунтующая толпа уничтожила все кабальные акты. Самым лучшим доказательством продуманности и хорошей организованности Стрелецкого бунта 1682 года стало то, что грабежей и погромов домов «убиенных», людей богатых и знатных, на этот раз не случилось. В других случаях народных волнений, в том числе и в столице, такое случалось почти всегда. Известно, что пострадал (был разграблен) только двор князей Долгоруких.

Стрелецкий бунт продолжался три дня – с 15 по 17 мая. Но всесилие стрельцов в Москве продолжалось до начала осени того года. За это время они получили задержанное за многие годы жалованье. Из Кремля им делали богатые подарки. С их бывших полковников взыскивали, нередко с помощью батогах, удержанные со стрельцов и солдат деньги – опять же, по заранее составленным спискам и возвращали их обиженным.

Государство задолжало стрельцам и солдатам большую часть жалованья, начиная с 1645 года. «Заслуженные деньги» составляли огромную сумму в 240 тысяч рублей. Для того чтобы ее выплатить, приказано было собирать «со всего государства» деньги и серебряную посуду, из которой было «указано делать деньги». Царская казна смотрелась пустой.

Царевна Софья сумела сделать так, что «заслуженные» и «наградные» (по 10 рублей на человека) стрелецким и солдатским полкам выдавала она сама. Это делало ее в глазах военных людей столицы «доброй царевной», на которую можно было положиться.

Московские стрелецкие полки стали именовать «надворной пехотой». В честь их «государственных заслуг» во время событий 15–17 мая на Красной площади соорудили «столп» (каменный столб – обелиск). В отечественную литературу Стрелецкий бунт 1682 года вошел под названием «Хованщина». Стрельцы на политическую власть в стране не претендовали. В ходе тех событий во главе их оказались отец и сын князя Хованские. Они и возглавили, в силу большой личной популярности в столичном гарнизоне, приказы Стрелецкий, Сысканой и Судный.

Нарышкины оказались разгромленными своими противниками Милославскими. Стрельцы продолжали диктовать свою волю кремлевским правителям. 23 мая Боярская дума и Священный собор объявили Ивана V Алексеевича первым царем, а Петра I – вторым царем. Были определены их обязанности: Ивану – править в Московском государстве, Петру – принимать послов и ходить на войну против неприятелей.

Были спешно изготовлены еще одна корона, скипетр и держава. После этого Ивана V и Петра I короновали на царство со всей полагавшейся по такому случаю торжественностью. Так началось совместное царствование Ивана V и Петра I, которое продолжалось 14 лет – до начала 1696 года, до смерти русского царя Ивана V Алексеевича Романова. К слову сказать, младший брат относился к нему с большим уважением и ни в чем не «ущемлял» его прав.

29 мая «партия» Милославских торжествовала новую победу над Нарышкиными. В этот день царевна Софья Алексеевна объявляется правительницей Московского царства при малолетних государях Иване V и Петре I. То есть становится полноправной регентшей. Теперь имя «великой государыни, благоверной царевны и великой княжны Софьи Алексеевны» стали писать на всех указах вместе с именами обоих царей. Наталья Кирилловна правительницей уже не являлась, «передав» власть регентши своей падчерице.

Главой боярского правительства стал фаворит правительницы князь Василий Голицын. Он возглавил Посольский и ряд соединенных с ним приказов, а также Иноземный и Рейтарский приказы. Фаворит получил титул «дворового воеводы, ближнего боярина, наместника Новгородского, царственной большой печати и великих посольских дел оберегателя».

На этих важнейших государственных постах князь В.В. Голицын удержался до 1689 года. Он содействовал развитию торговли и ремеслам в стране, добился заметного улучшения внешнеполитического положения России, сумел в 1686 году заключить «вечный мир» с Речью Посполитой и не позволил царству ввязаться в военный конфликт на Балтике.

Первые месяцы правления Софьи делали ее власть в столице призрачной: там хозяйничали «буйные» стрельцы во главе с князьями – отцом и сыном Хованскими. Они не изменили своего независимого от Кремля поведения, хотя их и пытались задобрить раздачей денег и обещанием наград.

После майского Стрелецкого бунта активизировались раскольники, которых поддерживали все те же князья Хованские. На их стороне оказались «старые стрельцы Титова полка». Чтобы предупредить открытое «возмущение» раскольников, правительница Софья вместе с патриархом в июне 1682 года разрешила провести в Кремле диспут о вере духовных владык со старцами раскольников во главе с расколоучителем Никитой Пустосвятом.

На проведении такого духовного состязания настояли московские стрельцы, среди которых оказалось немало раскольников. Спор духовных владык со старцами не привел ни к каким результатам. Через неделю Пустосвята с его близкими учениками схватили и бросили в застенки. Расколоучителя казнили, его учеников-старообрядцев отправили в ссылку, и таким образом религиозная проблема, вставшая перед Кремлем, получила должное разрешение.

Разделавшись с раскольниками, правительница Софья взялась за московских стрельцов. Если раньше для борьбы с Нарышкиными она всецело опиралась на них, то теперь в борьбе со стрелецким самоуправством царевна решила опереться на служилое дворянство. Действовала она на удивление современникам решительно.

19 августа великая государыня правительница Софья Алексеевна вместе с царями Иваном V и Петром I удалилась из столицы сперва в село Коломенское, оттуда в Савво-Сторожевский монастырь, а затем в Троице-Сергиев монастырь. Оттуда по уездам стали расходиться указы о сборе поместного дворянского ополчения под стены богатейшего и влиятельнейшего на Руси монастыря, представлявшего собой сильную каменную крепость.

В Смутное время Троица выдержала сильную осаду тушинцев и «людей польского короля»: те так и не смогли взять монастырь силой оружия. Поэтому место сбора поместного ополчения царевной Софьей и ее советниками было выбрано отнюдь не случайно.

Когда вооруженных дворян «для защиты царей» собралось достаточно много, царевна Софья вызвала из Москвы к себе начальника Стрелецкого приказа князя Ивана Хованского с сыном Андреем. Их схватили по пути и казнили в селе Воздвиженском по обвинению в связях с раскольниками-старообрядцами. В тот же день, 17 сентября (день именин Софьи), головы были отрублены и у 37 сподвижников Хованских. Двух других сыновей князя – Петра и Ивана отправили в ссылку.

Казнь вожakov привела московских стрельцов в шок. Опомившись, они укрылись за кремлевскими стенами, решив дать бой боярам. Но сила теперь была не на их стороне. Вокруг Москвы, перекрыв дороги к ней, с полками дворянского конного ополчения стояли бояре и воеводы князя Андрей Голицын и Петр Урусов, Алексей Шеин и Иван Волынский.

В начале ноября 1682 года правительница Софья Алексеевна с царями вернулась из Троицы в столицу. Ее сопровождали многочисленные дворянские отряды. Теперь уже она от имени Ивана V и Петра I стала диктовать свою волю стрельцам. Для начала срыли на Красной площади «столп», а полкам запретили собираться «кругом». Главой Стрелецкого приказа был назначен Федор Шакловитый, который становится правой рукой царевны, а впоследствии и ее фаворитом.

Начинается чистка стрелецкого гарнизона Москвы. В первопрестольном граде остаются только семь самых надежных полков. Остальные рассылаются для несения гарнизонной службы в порубежные города. На их место с окраин государства призываются пять полков городских стрельцов, ранее располагавшихся на далеких окраинах (из городов Украинных).

Так начиналось семилетнее правление Русским царством Софьи Алексеевны. После того как были утихомирены столичные стрельцы и учинена расправа над раскольниками, на пер-

вый план стали выходить внешнеполитические проблемы. Последовало подписание «вечного мира» с Речью Посполитой без всяких ей территориальных уступок. Глава Посольского приказа князь В.В. Голицын рассчитал все верно: польский король Ян Собеский очень нуждался в союзниках для продолжения войны с Османской империей. Потому он и признал за своей подписью «вечное право» России на Киев, Левобережную Украину и Смоленск.

Подписание «вечного мира» означало, что Русское царство (его в Европе называли Московией) вступало в «Священную лигу» – военный союз Польши, Австрии и Венеции против Турции. Москва обязывалась начать военные действия против султанского вассала – Крымского ханства. Тем самым в идущей войне отвлекалась от польских и австрийских владений крымская конница. Но, готовя поход на Крым, Россия тем самым защищала собственные пределы на юге, подвергавшиеся частым разбойным набегам крымских татар.

Петр I стал свидетелем того, как военная сила царства готовилась, таяла и возвращалась ни с чем из двух Крымских походов. Первый из них состоялся в 1687 году. В мае месяце, пока степные травы еще не успели выгореть, 100-тысячная армия с 350 пушками под командованием большого воеводы князя Василия Голицына выступила в поход на Крым. Войска сопровождали огромные обозы. Но уже в июне поход пришлось прекратить еще на далеких подступах к Перекопу. Едва ли не главной причиной стали степные пожары, вызвавшие бескормицу для десятков тысяч лошадей, и отсутствие питьевой воды. В русском стане погибло много людей. Из-за массового падежа лошадей пришлось бросить обозы.

В умышленном поджоге степи обвинение пало на малороссийского гетмана Самойловича, который не желал похода на Крым, боясь усиления Москвы. Корыстолюбивого и непопулярного среди украинского казачества гетмана низложили и вместе с сыном отправили по этапам в Сибирь. Новым гетманом Левобережной Украины стал Иван Мазепа, личный враг Самойловича. Пройдет время, и он станет «потаенным» врагом петровской России.

Василий Голицын, талантливый государственный деятель, но бездарный полководец, отправил в Москву победное донесение о том, что крымский хан так и не решился вступить с ним в сражение, укрывшись за Перекопом. Софья организовала своему фавориту торжественную встречу в Москве как победителю.

Затем последовал второй Крымский поход 1689 года, который готовился намного серьезнее, чем первый. Он начался ранней весной, в мае. Общая численность русского войска на сей раз определялась разрядной росписью в 117 446 человек: московских чинов, дворян и детей боярских, солдат, копейщиков, рейтар и гусар, стрельцов, пушкарей и прочих воинских людей. 30–40 тысяч украинских казаков должен был привести с собой гетман Иван Мазепа. Войсковой «наряд» состоял из 350–400 легких пушек. Они прекрасно годились для отражения атак легкой на ход крымской конницы, но совсем не годились против перекопских укреплений. В этом состояла серьезная ошибка большого воеводы князя Василия Голицына.

На сей раз войска двигались не одним огромным каре, а новым походным порядком: авангард, большой полк и четыре «разряда». Теперь русской рати приходилось отбивать частые наскоки ханской конницы. На полевое же сражение неприятель не решился, укрывшись за Перекопом. Когда войска Голицына подошли к нему, то увидели перед собой первоклассную по тому времени крепость с турецким гарнизоном, подкрепленным конницей крымского хана.

Перед «канцлером и генералиссимусом» Василием Голицыным (так его называли иноземцы) встал вопрос: штурмовать Перекоп или нет? Ответ на него следовало дать без промедлений. Силы позволяли пойти на приступ, но тогда осадный стан пришлось бы раскинуть в безводной степи, да еще песчаной. Легкие пушки совсем не годились для осады, а тяжелых, крупного калибра орудий не имелось. Предстояли огромные осадные земляные работы, чтобы засыпать глубокий крепостной ров.

Простояв сутки под Перекопом, князь Василий Голицын приказал повернуть назад, домой. Современники и последующие исследователи называли Крымские походы

1687 и 1689 годов полностью неудачными. Однако европейские наблюдатели тех событий расценивали Крымские походы русской рати под начальством «большого воеводы» князя Голицына совсем иначе. Они называли поход огромной армии, где конница не составляла и половины ее численности, через Дикое поле с его бескормицей и безлюдьем несомненным достижением в области военного искусства.

В ходе походного движения были стерты с лица земли турецкие крепости на Днепре – Кызыкермен, Шахкермен и ряд других. Успешно отбивались нападения многотысячной крымской конницы, лучшей конницы турецкого султана. Отмечалась и высокая организация походного порядка русских войск.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Во всех военных столкновениях с Крымским ханством русская рать не предпринимала ранее активных наступательных действий за пределами пограничных засечных черт. На сей же раз Крымские походы засвидетельствовали изменение соотношения сил на южном побережье Московского царства.

Когда князь Василий Голицын вернулся из второго Крымского похода, правительница Софья учредила манифест о награждении «первого воеводы» и участников неудачного военного мероприятия. Когда высочайший указ доставили Петру I на подпись, он отказался утвердить его. Им было сказано, что за позор ратных людей не награждают.

Царице Наталье Кирилловне стоило больших трудов уговорить заупрямившегося сына поставить подпись под высочайший указ. Тогда тот проявил характер в другом. По установленной традиции так и не состоявший полководец из княжеского рода Голицыных приехал с поклоном в царское село Преображенское, второй царь не принял ни его самого, ни походных воевод.

...В годы правления Софьи Алексеевны в 1662–1687 годах шли военные столкновения русских с китайцами на Амуре, куда казаки-землепроходцы и промышленники пришли из Забайкалья и Якутска. Выстроенная в 1651 году на амурском левобережье крепость Албазин – деревянный острог, окруженный рвом и валом, – неоднократно подвергалась нападениям китайских войск с осадой и артиллерийскими бомбардировками.

В 1685–1686 годах огромная китайская армия, пришедшая из Маньчжурии, осадила Албазин и подвергла его жестокому обстрелу из многочисленных пушек. В конце концов малочисленный гарнизон, у которого на исходе оказались огневые припасы и провиант (китайцы полностью уничтожили посевы русских близ города), вынужден был пойти на переговоры. Остатки албазинского гарнизона оставили крепость и ушли в Нерчинск. Китайцы разрушили поселение. Спустя некоторое время Албазинская крепость, перекрывавшая Амур, была восстановлена. Китайские войска, пришедшие из Маньчжурии, вновь осадили городок. Москва начала долгие переговоры с Циньской империей...

Все же не внешнеполитические проблемы, война с Крымом, умиротворение московских стрельцов, борьба с раскольниками являлись главными проблемами для правительницы Софьи Алексеевны. Все годы ее властвования в Кремле свелись к схватке за захват и удержание державной власти. И в том противник был у царевны один-единственный. Второй царь Петр I Алексеевич подрастал, и с каждым годом близилось его совершеннолетие. А это означало его автоматическое полновластие и уход в тень «великой государыни» Софьи Алексеевны. Ей в том иллюзий строить не приходилось.

...После кровавых майских событий 1682 года малолетнего Петра и его мать, вдову-царицу Наталью Кирилловну, удалили из столицы в подмосковное село Преображенское, где находился загородный царский дворец. Никакой роли в политической жизни государства они теперь не играли, хотя имя царя Петра I продолжало регулярно появляться на «государевых» грамотах.

Цари-соправители участвовали во всех официальных и церковных торжествах. Они хорошо усваивают состав богослужебного обихода кремлевской жизни. Но братьев Алексееви-

чей разнит отношение к окружающей жизни. Беспристрастный наблюдатель секретарь шведского посольства Кемпфер так описывает прием посла Швеции с участием царей Московии:

«В Приемной палате обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских.

Когда посланник подал верующую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дал времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: “Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?” Шведскому дипломату Кемпферу одиннадцатилетний царь Петр I, если судить по его запискам, показался шестнадцатилетним юношей».

...Царевна Софья не баловала поселившихся в Преображенском опальных родственников по отцу деньгами, ссылаясь на скудность кремлевской казны. Но им «денежно» тайно помогали патриарх Иоаким, ростовский митрополит и влиятельнейший на Руси Троице-Сергиев монастырь.

В селе Преображенском маленький Петр I продолжал жить теми же военными забавами, что и в Кремлевском дворце. Считается, что уже в трехлетнем возрасте начинают обнаруживаться военные вкусы и наклонности царевича. Это находит выражение в его любимых «потехах» – играх и игрушках, которыми заполняется детская.

Есть рассказ о том, как отец поспособствовал тому, что военные утехы сына стали для него главной детской забавой. Когда царевичу исполнилось три года, один московский купец в день его именин преподнес царевичу в подарок маленькую саблю. Тот принял ее с необыкновенной радостью, тогда как на прочие подарки смотрел с интересом, но равнодушно.

Маленький Петр велел купцу себя приподнять, поцеловал его в голову и сказал, что он его не забудет. После этого царевич попросил отца опоясать его саблей, а купца чем-нибудь наградить. Государь Алексей Михайлович устроил в честь такого события небольшое дворцовое торжество. Вызванный духовник прочитал молитву, после чего отец опоясал трехлетнего сына саблей. Купец был пожалован званием «гостя». Это пожалование объявил ему сам царевич.

Сабля стала самой любимой игрушкой маленького Петра. Он долгое время не снимал ее с себя, часто засыпая с ней. Царь не мог не видеть тягу сына к воинским упражнениям. Он повелел собрать из дворянских детей несколько сверстников сына, сделать подходящее для них оружие и обучать воинским приемам. С этого времени ратные «потехи» стали любимым занятием для будущего первого всероссийского императора в Кремлевском дворце и во время поездок в государевы подмосковные села. Писатель Алексей Толстой так описывал первые «потешные игры» царя всея Руси:

«Смотря в окно, царица слабо всплеснула руками. По двору бежал Петр, спотыкаясь от торопливости. За ним – долговязые парни из дворцовой челяди, – с мушкетами и топориками на длинных древках. На земляном валу, – потешной крепостице, построенной перед дворцом, – за частоколом стояли согнанные с деревни мужики в широких немецких шляпах. Велено им было также держать во рту трубки с табаком.

Испуганно глядя на бегущего вприпрыжку царя, они забыли, как нужно играть. Петр гневно закричал петушиным голосом. Наталья Кирилловна с содроганием увидела Петенькины бешеные, круглые глаза. Он вскарабкался на верх крепостицы и, сердясь, ударил несколько раз мушкетиком одного из потешных мужиков, втянувшего голову в плечи...»

Необыкновенная тяга маленького царевича к воинским забавам немало удивляла окружающих его людей из числа не только придворных. Они не без удивления и размышлений говорили: «Что будет с этим ребенком царской крови, когда он придет в возраст?..»

Сохранились кремлевские дворцовые записи за 1675 год, в которых рассказывается об игрушках, которые изготавливались для петровской детской. Среди них: два лука-«недомерочка», «топорок с обушком, топор простой, чеканец, пяток ножигов, топор посольский...». Затем к этим игрушкам добавляются «булавы, шестоперы, чеканы», «пушечка со станком и с колесцы потешная», 5 прапоров (знамен) тафтяных, 4 топора круглых, 3 топора с обушками, 2 топора простых, 2 буздухана, 2 булавы, 4 ножики, 2 пары пистолей и карабины».

Первым дядькой-воспитателем маленького царевича стал боярин Родион Стрешнев. Мать просила найти сыну учителя кроткого и набожного. Таким учителем стал подьячий Челобитного приказа Никита Зотов, «муж кроткий и смиренный, всеми добродетелями исполненный и в грамоте искусный».

Зотов научил царя «всея Руси» читать, писать, помнить некоторые тексты из богослужебных книг, дал отрывочные знания по истории и географии. «Учительный человек тихий, но бражник» Никита Зотов не был книжником, поэтому на уроках он ограничился заучиванием наизусть Священного Писания, в чем его ученик преуспел, и дружескими беседами, которые оба полюбили. Подьячий ориентировался в ходе обучения не на педагогический план, а на пожелания царственного ученика.

Когда Зотов с учеником прошел все первоначальные премудрости «всяких» наук, на следующем этапе «штудий» предстояло изучение латыни, греческого и польского языков, пиитики, риторики и диалектики. Этим должны были заняться ученые монахи Киево-Печерской лавры. Но Наталья Кирилловна почему-то подозревала их в близости к окружению царевны Софьи и потому приглашать новых учителей для сына не стала.

Так с 13 лет Петр, оставшись по тем понятиям недоучкой, остался предоставленным самому себе. Полученной свободой от «учений» он воспользовался с лихвой, обратив ее на военные игры и на все, что было с ними связано. Петр I так и не научился грамотно писать, делая в своих писаниях большое число грамматических ошибок. Но надо заметить, что будущий первый император России к концу жизни достаточно свободно владел тремя языками – немецким, польским и голландским. То есть он вполне обходился без переводчиков (толмачей).

По этому поводу историк В.О. Ключевский заметит: «И на том подьячему спасибо!» Здесь следует заметить: ученик сохранил к первому своему учителю известную долю благодарности: Никита Зотов закончит свою жизнь с титулом графа.

Любознательный, от природы одаренный и неутомимый в готовности черпать самые обширные знания, юный государь добывал их еще и из прочитанных книг, бесед со знающими людьми. Поэтому Петр I в зрелые годы поражал собеседников глубокими познаниями в кораблестроении, артиллерии, фортификации, военной тактике, истории и географии. Но в его знаниях с детства преобладали науки о военном деле.

Маленький царь Петр Алексеевич любил играть в войну, но только не оловянными солдатиками. Его товарищами по ратным играм стали «потешные» – его сверстники из знатных семей и дворцовая челядь годами заметно постарше. Государь «всея Руси» любил огненные потехи, то есть стрельбу из пищалей, пистолетов, пушек; сам старался что-то мастерить, строить земляные «фортеции».

Постепенно вокруг царя Петра оказались в числе комнатных стольников (их насчитывалось около сотни человек) «почитай все молодые люди первых домов. Это были родовитые Долгорукие, Стрешневы, Куракины, Трубецкие, Одоевские, Троекуровы, Апраксины, Репнины, Нарышкины, Плещеевы, Бутурлины, Урусовы, Головины... Придет время, и многие из них станут офицерами «потешных» Преображенского и Семеновского полков, родоначальников

русской гвардии. Так составлялась «партия» Петра: развязка в противостоянии его со старшей сестрой неумолимо приближалась для последней.

В селе Преображенском при царице Наталье Кирилловне, то есть в ее свите, находились такие знатные люди, как князья Михаил Черкасский и Иван Урусов, дядя юного царя кравчий князь Борис Голицын. Они являлись не просто ее сторонниками, а еще и советниками.

Среди приближенных к юному царю значатся бояре Тихон Стрешнев, Иван Кондырев (начальник Конюшенного приказа) и Петр Шереметев-большой (начальник Оружейной палаты). Царь Петр считал своими друзьями Федора Апраксина и Федора Троекурова. Близким человеком к нему стал сын погибшего Артамона Матвеева – Андрей, получивший отличное образование. Андрей Матвеев был известен среди иностранцев, живших в Москве, еще и тем, что «жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась».

Правительница Софья и ее окружение снисходительно посмеивались над «потешными» чудачествами второго царя. Они к тому же видели, что военные забавы отвлекают его от любого участия в государственных делах, кремлевских официальных и духовных церемониях. Некоторые исследователи считают, что сам Петр I сознательно давал повод так думать о нем за кремлевскими стенами.

Но Петр быстро вырос и мужал не в пример своему старшему брату, первому царю Ивану V. В окружении царевны Софьи заговорили («зашептались») о том, как «удалить» второго царя из рода Нарышкиных. Речь шла и о крайних мерах, то есть о тайном цареубийстве.

Против них высказался князь Василий Голицын: фаворит дал правительнице иной совет. Он предложил женить первого царя Ивана Алексеевича – слабоумного первого законного наследника престола. Тот почти не видел, был косноязычен и с детства страдал цингой. И, что самое важное, не помышлял о соперничестве за власть ни со своей старшей сестрой, ни с младшим братом. То есть дворцовой тайной дипломатией царь Иван не занимался никак.

Софьинский фаворит Голицын трезво считал, что планы насильственного устранения юного Петра I «от царства» опасны для «великой государыни» Софьи Алексеевны. Могло случиться всякое. Греческий историк XVIII столетия Феодози писал о том, что советовал князь Василий Голицын царевне Софье: «Царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то нетрудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том же достоинстве, которое она желает».

Такое смотрелось полной реальностью. Хотя Иван Алексеевич и не высказывал открыто намерений жениться, но под энергичным напором властной сестры согласился. По стародавнему обычаю для него сделали смотр невест. Софья сама выбрала брату пышущую здоровьем девушку, которая могла, по ее мнению, принести Ивану V сына-наследника. Это была Прасковья Салтыкова из древнего, знатного рода.

Свадьба обладателя на двоих шапки Мономаха состоялась в сентябре 1684 года. Через четыре года царица Прасковья принесла мужу первенца, а затем еще четверых детей. Но все они были царевнами, девочками. Ни одна из них на престол претендовать не могла. Возможно, именно такое обстоятельство привело царевну Софью Алексеевну к мысли укрепить личную власть. В 1686 году, 23 апреля, она «наименовала себя вместе с державными братьями Самодержицей всея России»; новый титул царевны сообщен был из Посольского приказа, которым управлял князь Василий Васильевич Голицын, 23 апреля во все концы России.

...Если кто в те годы наблюдал за «потешными» забавами подрастающего царя Петра Алексеевича, то такой человек не мог не задуматься о серьезности таких игр для будущих лет. Петровских «потешных» сперва набиралось десятка два. Для них были построены потешная изба, деревянный шатер, деревянные пушки и рогатки. В 1683 году, весной, Петр I имел для своих игр «войско» до 50 человек. Так была образована Потешная рота.

В отличие от устоявшегося мнения среди «потешных» преобладали не петровские сверстники, а взрослые. В июле 1683 года у царя Петра I для военных игр уже было 16 «пушек малых железных и медных» (то есть полевых орудий), с которыми, разумеется, подростки справиться не могли. Их обслуживали такие профессиональные пушкарки, как известные для истории Сергей Бухвостов (ему поставлен памятник в Москве) и Еким Воронин, первые солдаты зарождающегося «потешного» Преображенского полка.

Известно, что мастера Оружейной палаты изготовили мишень, по которой царь Петр и его «потешные» учились стрелять из малых пищалей, то есть ручниц. Мишень представляла собой «человека деревянного, вышиной 2 аршина, толщиной по размеру, в руке меч длиной 1 аршин с четвертью, а (в) другой колесо, мерой кругом пол аршина».

Из села Преображенского в Московский Кремль, в Оружейную палату идут одно за другим петровские требования прислать то различное оружие, то огневые припасы. Примером могут служить такие царские указы дьякам Оружейной палаты: «Прислать... 16 пар пистолей, такое же число карабинов с перевязями, с медной оправой». «Прислать... 16 мушкетов, 15 карабинов, 8 карабинцев маленьких, луки со стрелами». «Прислать... лук потешный, гнездо северег (стрел) шефраненых с белохвостцовым орловым перьем, гнездо ж северег стольничьей статьи, 5 самопалов новых, два карабинца потешных с замками и с жагры». «Прислать... лук с буйловыми костью, два лука турецких» и так далее.

По мере увеличения числа «потешных» в Преображенское из кремлевской Оружейной палаты все больше и больше доставлялось оружия. Теперь юный царь-государь уже не запрашивал луки и стрелы: ему требовалось ручное огнестрельное оружие, все больше пороха и свинца для литья пуль. Из кремлевской Оружейной в Преображенское везли подводами пищали «винтованные и завесные», карабины, пули «разных статей» пудами...

Вскоре «потешных» набралось на два батальона примерно по 300 человек. Вооружение они получали по царским требованиям из Кремлевского арсенала. К 1687 году число петровских солдат приблизилось к тысяче человек. В 1692 году батальоны были развернуты в «потешные» Преображенский и Семеновский полки. Свои названия они получили от сел Преображенское и Семеновское, которые разделял только Хапиловский ручей. Была сформирована и бомбардирская (артиллерийская) рота, которая стала частью «потешного» Преображенского полка.

Князь Борис Иванович Куракин оставил нам свое «понятие о потешных». Он рассказывал о том, как царь Петр Алексеевич имел склонность к войне с младенческих лет и любил «военные экзерциции» (то есть воинские учения): «И начал сперва спальниками своими, а к тому присоединил конюхов потешной конюшни, а потом начал из вольных чинов шляхетства и всяких прибирать в тот полк, и умножил до одного батальона, и назывались потешные, которых было до 300 человек. А другой полк начал прибирать в Семеновском из сокольников, и набрано было с другими тоже 300 человек. Первые назывались Преображенским, вторые – Семеновским. Так мало-помалу (Петр и его мать) привели себя малыми полками в охранение от сестры, или начали приходить в силу...»

Обучение велось офицерами-иноземцами из Немецкой слободы, которую москвичи называли Кукуем. Первым командиром «потешных» стал швейцарец из города Женевы Франц Лефорт, которому в самом скором времени суждено было стать другом и фаворитом царя Петра I Алексеевича. Судьба свела их так:

«...Петр встретил его на Яузе: плыли в тяжелом струе, челядинцы нескладно гребли, стучаясь уключинами. Петр сидел на носу, поджав ноги. Озаренные закатом, медленно приближались черепичные кровли, острые шпили, верхушки подстриженных деревьев, мельницы с флюгерками, голубятни. С Кукуя (так москвичи называли Немецкую слободу. – А.Ш.) доносились странная музыка. Будто наяву виделся город из тридевятого царства, тридевятого государства, про который Петру еще в колыбели бормотали няньки.

На берегу, на куче мусора появился человек в растопыренном на боках бархатном кафтане, при шпаге и в черной шляпе с завороченными с трех сторон краями, – капитан Франц Лефорт. Петр видел его в Кремле, когда принимали иноземных послов. Отнеся вбок левую руку с тростью, он снял шляпу, отступил на шаг и поклонился, – завитые космы парика закрыли ему лицо. Столь же бойко он выпрямился и, улыбаясь приподнятыми уголками рта, проговорил ломано по-русски: «К услугам вашего царского величества...».

Юный государь военную науку познавал самым серьезным образом. В собственном «потешном» войске государь «всея Руси» начал «службу» в должности барабанщика. Скоро Петр I стал рядовым бомбардиром, то есть пушкарем, бомбардирской роты Преображенского полка.

В 1684 году царь Петр заболел оспой, свирепствовавшей тогда по всей Европе. Сильный организм способствовал излечению. Наталья Кирилловна, обрадованная выздоровлению сына, подарила ему к именинам «запоны алмазные с орлами, ценой в 400 рублей, нашитые на верхний кафтан, обьяри золотой по червчатой земле, на нем травы золотые с серебром нового дела». Подарок младшему брату сделала и царевна Софья Алексеевна – «три алмазных запона, орел с короной, петлицы и круживо».

...Правительница Софья, надо сказать прямо, «просмотрела» своего соперника в борьбе за власть – младшего брата с его военными забавами. Число «потешных» год от года все росло, их обученность поражала даже выдавших виды наемных иноземных офицеров. Учение проходило за учением. И довольно скоро преображенцы и семеновцы по своей выучке, дисциплине и организованности стали заметно превосходить московских стрельцов и солдат полков нового строя.

На реке Яуза в окрестностях села Преображенского была построена по всем правилам фортификационного дела полевая крепость Пресбург, вооруженная полевой артиллерией и имевшая «изрядные припасы». В случае чего в ней «потешные» могли и отосидеться. Постройка Потешного городка в селе Преображенском стала большой «обузой» для казны. Юный царь всея Руси постоянно требовал от нее своими указами различных строительных материалов, воинских припасов и оружия, изделий «железного дела», провианта, подвод, мастеровых и иных людей...

Такие расходы казны начались с того, что от нее Его Царское Величество государь Петр Алексеевич потребовал «дать в село Преображенское в Потешный городок на крышу двух избышек 300 тесниц (досок) москворецких 3-х сажен».

Потом разовые требования из Преображенского дворца становились все более частыми, разнообразными и... срочными. На строительство «потешной фортеции» из близкой Москвы в царское село везли на наемных подводах купленное у столичных и заморских купцов в столичных торговых рядах:

«на дело живого моста, что на реке Яузе в Лебяжьей роще, 200 бревен сосновых 5 сажен, в отрубе 6 и 7 вершков...»;

«под деревянную башню 400 бревен дубовых 4-х сажен, в отрубе 7 и 8 вершков...»;

«к большому стругу и ко шняку на дело весел, 20 досок липовых, длиною 2 сажен, шириною 10 вершков...»;

«для укрепления стен, верхних и нижних житей, чердаков и башен, на связи: свисаго (шведского) доброго железа 350 связей, длиною по три аршина с четью, к тем связям на прибивку 1050 гвоздей с костылями...»;

«на дело в лосиной роще, для выпуска из амбара зверей двора, 30 столбов сосновых... и на заборы 250 бревен еловых...»;

«к ракетному делу на хвосты 30 тесниц еловых полуторных гладких, 2 четверика муки куличной...»;

«на дело мишени 100 лубов москворецких, на пришивку 200 гвоздей двоетесных...»;

«четверо пилы по мере, 1000 кирпичу жженого, 3000 кирпичу сырова, 20 возов глины, ушат, 4 лотка, 2 лопаты да нанять восемь работников для отделки...»;

«для опайки пушечных насыпок фунт сала медвежья, фунт нашатырю, молоток железный»...

Петр I одновременно с военными науками изучал арифметику и геометрию, обращение с боевыми гранатами, пускать «потешные огни» фейерверки. Иноземные офицеры добросовестно отрабатывали свое высокое царское жалованье: из Немецкой слободы в Преображенское приглашали действительно знающих людей.

Вместе с юным самодержцем мужали его будущие сподвижники – князь Михаил Голицын, будущий российский генерал-фельдмаршал, Александр Меншиков, сын придворного конюха, торговавший горячими пирогами с лотка на московских базарах, ставший генералиссимусом и светлейшим князем, Иван Бутурлин, выходец из знатного боярского рода, и многие другие «потешные».

В 1688 году любознательный Петр I случайно нашел в одном из амбаров села Измайловского старый корабельный ботик – парусную шлюпку. Историк Устрялов так записал петровский рассказ о том, как оказалось для России, историческом событии: «Несколько времени спустя (в 1688 году, после того как Долгорукий привез астралабию) случилось нам быть в Измайлове на Льяняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил выше-реченного Франца (голландца Тиммермана), что это за судно.

Он сказал, что это бот английский.

Я спросил, где его употребляют.

Он сказал, что при кораблях для езды и возки.

Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)?

Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветра; которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно.

Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал.

Он сказал мне, что есть.

То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать.

И выше-реченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийском море, который старый бот починил и сделал машт и парусы и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало.

Потом, когда я часто то употреблял с ним и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил, для чего так?

Он сказал, что узка вода.

Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более. Того для я стал проводывать, где более воды.

То мне объявили Переяславское озеро, куда я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился. А потом уже стал ее просить и явно, чтобы там двор и суды сделать.

И так выше-реченный Карштен Брант сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро. Но оно ради мелкости не показалось.

Того ради уже положил намерение прямо видеть море...»

Эти петровские воспоминания были записаны спустя 32 года после тех событий, связанных с рождением «потешной флотилии». Но ради справедливости следует заметить, что не

английский ботик положил начало страсти Петра I к «водным потехам». Любовь к ним началась не с ботика Петра Великого, а с уже имевшихся у юного царя двух «потешных судов» – струга и шняка, на веслах ходивших по реке Яузе.

Струг представлял собой плоскодонное речное судно для перевозки различных грузов. Шняк был рыболовной морской лодкой, родом карбаса с одной мачтой и прямым парусом и тремя парами весел; в носу и корме его помещались «чердаки», то есть каюты для клади и людей.

Научившись ходить на ботике по окрестным речкам и прудам против ветра под парусами, а затем побывав в портовом Архангельске, царь Петр I загорелся страстью дать России собственный военный флот. Как то мечтал сделать его отец Алексей Михайлович на Каспии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.